

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

**ДЕТЕКТИВ
В
МАСКЕ**

Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**

Татьяна **ГАРМАШ-РОФФЕ**

и другие :-)

Великолепные детективные истории

Дарья Калинина

Детектив в маске

«ЭКСМО»

2020

Калинина Д. А.

Детектив в маске / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2020 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-114238-4

В этом году мы с вами столкнулись с необычной и непривычной ситуацией. Но это не повод унывать! Нам надо держаться вместе хотя бы виртуально, поддерживать друг друга и по возможности радовать приятными сюрпризами. Один из таких сюрпризов приготовило издательство «Эксмо» и наши любимые писатели – Анна и Сергей Литвиновы, Татьяна Гармаш-Роффе и их талантливые коллеги по перу. Находясь на самоизоляции, они написали увлекательные детективные рассказы, действие которых развивается в наше непростое время. В них вы найдете тепло и поддержку, которые сейчас просто необходимы!

ISBN 978-5-04-114238-4

© Калинина Д. А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Георгий Ланской	6
Елена Логунова	16
Дарья Калинина	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Детектив в маске

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:

© Amosenkova Julia, Danilina Olga, Oleksandr Panasovskyi / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Георгий Ланской Сыщик с косичками

Машина свернула с шоссе и затряслась по проселочной дороге, ухнула в лужу, выплеснув на обочину целое море грязной воды, а потом натужно затряслась, угрожая, что останется в яме навсегда, но все-таки выкарабкалась в последнем отчаянном усилии. Варвара, зажатая между братом и сестрой, вытянула шею и поглядела на дорогу впереди. Отец, точно озвучив ее мрачные мысли, раздосадованно произнес:

– Еще одна такая канава, и мы точно встанем, вырастем в землю и по весне зацветем и заколосимся, прежде чем приедет какой-нибудь трактор и выдернет нас из ямы.

– Уже весна, – подала голос Варвара. – Так что ждать недолго.

В ее живом воображении мгновенно пронеслась картинка: вот, стоят они впятером в чистом поле, раскинув руки, как Страшила из детской сказки, покрытые мхом, а вороны сидят у них на головах и зловеще каркают. Отец не ответил, но судя по отразившимся в зеркале сведенным бровям, юмора младшей дочери он не оценил. Варвара получила тычок в бок и охнула.

– Заткнулась бы ты, – прошипела Злата. – Не видишь, они и без твоих шуточек злые. Ты и в нормальном-то состоянии кого угодно до психушки доведешь, а сейчас и подавно.

– Надо бы в строительный магазин заехать, – сладким голосом ответила Варвара и бросила на сестру насмешливый взгляд. Злата насторожилась:

– Зачем это?

– Уголки резиновые купить, или как там они правильно называются? Наденем тебе на локти, уж больно ты костлявая. Рано или поздно ты кровать проткнешь насквозь, или ванну поцарапаешь, когда будешь мыться.

Злата хотела отвесить Варваре затрещину, но, прижатая к дверце крохотного «Фольксвагена», не смогла развернуться, а Варя, понимая, что расплата неминуема, старательно двигала сестру к стене, не давая освободить руки. Злате пришлось довольствоваться щипками, от которых Варвара выла и повизгивала, рискуя вызвать гнев родителей.

– Вот поганка! – воскликнула Злата. – Сень, дай ей по башке!

Арсений, старший сын семьи Смородиных, ухом не повел, заливнувшись на какой-то игрушке в телефоне. В машине он занимал больше всех места. Активно занимаясь бодибилдингом, к семнадцати годам Арсений стал выглядеть как средних размеров шифоньер.

– Ну-ка, утомонитесь, – приказала мама, не поворачиваясь. – Иначе высажу прямо тут, пойдете пешком до самого Верховного.

Девочки притихли, одарив друг друга прощальными щипками и злобными взглядами, хотя угрозу матери никто всерьез не воспринял. До поселка было еще километров тридцать, вряд ли кто из родителей отважился бы бросить детей в чистом поле, в грязи. Но уже почти месяц Смородины-старшие находились в таком взвинченном состоянии, что дети предпочли не будить лиха. Варя откинулась на спинку кресла и уставилась в окно. Перспективы, несмотря на нервическое состояние не только в отдельно взятой семье, но и в целом, были весьма радужные.

Так получилось, что из-за эпидемии зловредного и, по слухам, невероятно опасного вируса жителям невольно пришлось перейти на режим удаленной работы. Смородины, которые и без того уже лет десять сидели исключительно на фрилансе, посоветовались и решили переждать пик карантина подальше от города с его потенциальной опасностью. Выбора, куда можно сбежать подальше от вируса, особо не было, разве что родительский дом отца.

– Мы все лето там просидели, – робко возразила мать. – Мне кажется, еще пару месяцев они нас не выдержат.

– Думаешь, это пару месяцев продлится? – спросил отец.

План отъезда в поселок Верховный родители обсуждали вечером на кухне трагическим шепотом, а Варвара, которой давно нечего было делать, беззастенчиво подслушивала, пользуясь тем, что старший брат сидит в соцсетях, а сестра плещется в ванне. Помешать было некому, а родители, озабоченные выживанием семьи в новых, тревожных обстоятельствах, не обращали внимания на длинные уши, торчавшие из-за двери.

– Дима, март кончился, ситуация не нормализовалась, – констатировала мать. – И только хуже становится. Весь апрель это однозначно продлится, май, скорее всего, тоже. Думаю, что вирус сойдет ближе к лету. Значит, мы всю весну там просидим, а то и часть лета. Пять человек в доме твоих родителей на такой период – не многовато ли, Дим?

– Света, ты какой-то другой выход видишь? – разозлился отец. – Можно, конечно, и в городе остаться, будем ходить в магазин в намордниках, только ты через неделю в четырех стенах свихнешься, а там все-таки свежий воздух. Можно в сад выйти, потеплеет – в огороде покопаться, речка за забором. И, что самое прекрасное – народу никого, гуляй – не хочу. Дети уже на стену лезут без улицы, а от нехватки свежего воздуха мы и без всякого вируса загнемся.

– До ближайшей больницы – полста километров, – ехидно ответила мать.

– У меня мама – врач, – возразил отец. – Так что еще неизвестно, где будет безопаснее. Там же почти натуральное хозяйство: курочки, уточки, коровка, картошечка в погребе, грибочки, наливочка. Работать будем на удаленке, ничего не изменится, только мы как сибариты будем сидеть на террасе, в гамаках, закинув ноги на подоконники. Как тебе такой акробатический этюд? Света, это же не карантин, а сказка какая-то. Кому еще так повезет, как нам?

– Дима, там Интернет плохой, – возразила мать, но по голосу было件нятно, что она уже сдается. – Дети уроки как будут делать, если мы все на один роутер навалимся? Обязательно связь отрубится, им потом колов наставят.

– Знаешь, я предпочитаю иметь детей-неучей, чем вообще их лишиться, – сказал отец. – И вообще, чего мы спорим? Ты готова сидеть дома дальше?

Даже не видя мать, Варя почувствовала, как та содрогнулась, припомнив, как уже пару недель проходит их быт: обучение с вечным ором педагогов и детей, бесконечные конференции, уроки и полная невозможность остаться где-то в одиночестве, закрыться от шума и спокойно сделать собственное техническое задание, потому что где-то на другом конце страны сучит ножками недовольный клиент. А в поселке Верховный, где жили дедушка и бабушка, – большой дом, двор, мансарда и идеальный шанс рассовать детей по углам, скинув с себя хоть немного ответственности. Видимо, мать представила именно это, потому что, выдержав небольшую фразу, она мечтательно произнесла:

– Знаешь, пожалуй, это выход. Звони отцу, скажи, что мы приедем. Ты прав, отставание в школе не так уж и страшно.

– Конечно, не страшно, – согласился отец. – Мы девяностые пережили, вот тогда был полный трэш, а сейчас – тьфу, плюнуть и растереть. Прорвемся как-нибудь. Не мы одни такие.

Варвара за дверями мысленно исполнила джигу-дрыгу. Сказать, что она так уж хотела ехать в Верховный среди весны, было нельзя. За городом хорошо летом, или, на край, в зимние каникулы, когда во дворе елка живая, в доме – искусственная, бабушка печет пироги, и огонь в печке потрескивает так таинственно и уютно, что все время клонит в сон, а наутро под елкой подарки в разноцветных коробках и следы от валенок Деда Мороза – неумелая имитация из муки, но все делают вид, что верят. А весной и осенью там не очень: в поселке грязновато, асфальта почти нигде, кроме главной улицы, нет, и поиграть негде. Разве что в лес сходить, за подснежниками. Но в Верховном живет верный друг Васька, сын местного участкового, собака Бося и приبلудный кот. К тому же, как верно заметил отец, там можно было гулять, сколько

влезет. Ну, а за нагоняй от учителей Варвара не беспокоилась. Если есть возможность прогулять школу под благовидным предлогом, так почему бы этого не сделать, тем более, когда есть официальное разрешение от родителей? Да и бабушка с дедушкой непременно будут хлопотать вокруг нее, подсовывая самые сладкие кусочки младшенькой, баловать – как это называет мама, сурово сдвинув брови.

– Прекратите ее баловать! – каждый раз восклицает она, когда Варваре достается кремовая розочка с серединки торта.

– А кого мне еще баловать? – не уступает бабушка. – Злата вечно худеет, а Сеня то качается, то на сушке, им сладкое нельзя! Для кого я столько наготовила? А Варька худюшая, как...

– Как глιστα, – услужливо подсказывает Злата медовым голосом.

– Я на массе, – обычно возражает Сеня. Когда он у бабушки с дедушкой, то всегда «на массе», потому что отказаться от их пирогов сложно, и даже Злата, которая мужественно жует одну траву, начинает тайком метать сладости, а потом не влезает ни в одно платье. А вот Варя ест в свое удовольствие, потому что она – тощая, ей плевать на красоту и фигуру. В двенадцать с хвостиком можно позволить себе безрассудно не беспокоиться о подростковых прыщах и полноте.

Словом, переезд в Верховный на два месяца в нынешних условиях – скорее спасение, и потому Варвара решила не беспокоиться ни о чем. Дорога до поселка стала вполне сносной, а на придавившие ее к сиденью мощные плечи брата и острые локти сестры она старалась не обращать внимания, тем более что Злата прекратила щипаться, а на Сеню вполне можно было облокотиться и подремать минут пятнадцать, что Варя и сделала. И ровно через четверть часа, когда машина рывком остановилась, она открыла глаза, увидела знакомый дом и услышала, как отец упавшим голосом протянул:

– Ну вот, приехали...

Из-за спин отца и брата, который уже, отодвинув спинку кресла вышедшей наружу матери, вылезал через переднюю дверцу, Варя не видела, что происходит, а когда увидела, мысленно охнула. Злата отпихнула ее в сторону и вылезла из машины, а затем, закатив глаза, произнесла со скорбным смирением:

– Ну, что же... Беда не приходит одна.

Варвара, несмотря на разность интересов с сестрой, на сей раз была склонна согласиться.

У ворот стояла еще одна машина, которой здесь быть ну точно не должно. Светло-серая «Хонда» принадлежала старшей сестре отца Елене, которую, откровенно говоря, часть семьи Смородиных, возглавляемая отцом, не жаловала. Стички с Еленой у Дмитрия начались с раннего детства, и с возрастом ситуация не улучшилась, а, скорее, усугубилась. Бабушка и дедушка, конечно, пытались помирить детей, но потом только махнули на это рукой, здраво рассудив, что они давно взрослые люди и способны вести себя прилично. А уж любят или не любят, так это как получится. Нелюбовь друг к другу распространилась и на отпрысков. Сеня, Злата и Варя терпеть не могли единственного сына Елены – Лешу, унаследовавшего худшие качества мамы: высокомерие и мнительность. Если Злата и Сеня могли позволить себе не обращать внимания на тринадцатилетнего подростка, то Варя была этого преимущества лишена. Если судьба сводила их вместе, они отчаянно дрались, отбивая друг у друга что придется. Вот и сейчас, глядя на Лешу, рассматривающего Варвару с презрительной ухмылкой, у той зачесались кулаки.

– Дима, какими судьбами? – пропела Елена, глядя на брата, а затем перевела взгляд на невестку: – Света?

– Лена? – отбила подачу мать, и Варя мысленно заплодировала. Их разговоры всегда напоминали схватку дипломатов враждующих стран где-нибудь на ассамблее ООН. Варя не могла припомнить, чтобы мать хоть раз выиграла, но и проигрышей у нее не было. В этих

взаимных плевках ядом всегда сохранялось равновесие двух ядерных держав, главы которых уже занесли руки над красными кнопками.

– Родители предложили пересидеть эпидемию у них, – вмешался отец и все испортил.

– Нам тоже, – кивнула Елена и оглядела разнокалиберный выводок отпрысков брата. – Но вообще ты мог бы согласовать это со мной. Дом не резиновый, все мы не поместимся.

– С чего бы я с тобой что-то согласовывал? – проворчал отец.

– С того, что так поступают все нормальные и воспитанные люди. Хотя, где ты, а где воспитание, о чем я говорю, господи боже... Олежа! Олежа! Заноси вещи в дом, надо где-то разместиться...

– От того, что ты войдешь в дом на пять минут раньше, тебе не предоставят люкса, – холодно сказала мать. – Здесь тебе не Турция с ее «олэнклизивом», эти правила не действуют.

Она уже была раздражена и готова к битве, в которую лучше было не соваться. Варя очень хорошо знала это состояние матери, в котором она превращалась в сметающий все тайфун. Однако и Елена не уступала, потому их ссоры всегда были невероятно темпераментны. Вот и сейчас тетка начала наливать краской, готовясь взорваться. Варя на всякий случай отодвинулась подальше.

– Света, почему ты так говоришь? – возмутилась Елена. – Тебя никто не собирается ни в чем обижать, но согласись, мы оказались тут на мину-у-уточку раньше.

– Во время эпидемии каждый сам за себя, – отрубил мать и, решительно отодвинув зазевавшегося супруга Елены, скомандовала: – Крошки мои, за мной! Берите барахло, мы заселяемся в номера!

Сеня и Злата, синхронно фыркнув, подхватили рюкзаки и чемоданы и проследовали во двор, где уже раздавался радостный лай Боси, пса-переростка. В доме гремела посуда, а из окна доносился аромат ванили. Варя взяла свою сумку и двинулась было внутрь, как ее вдруг дернули за рукав. Она обернулась и с радостью улыбнулась, увидев Ваську, старого друга, вечно голодного, рыжего, как подсолнух, находящегося в постоянном движении. Даже сейчас он не мог стоять на месте, приплясывая от нетерпения.

– Здорбво! – выпалил он. – Я как узнал, что ты приедешь, сразу к вам побежал, думаю – правда, не правда? А подбегаю, чую – пирогами пахнет, значит, правда. Ты рада, что приехала?

Варя покосилась на Лешу, который глядел на Ваську и кривился от фальшивого отвращения. Она мысленно пожелала двоюродному братцу провалиться, а потом повернулась к Ваське и со вздохом ответила:

– Безумно.

* * *

То, что у Елены украли ноутбук, Смородины узнали рано утром, когда из ее комнаты раздался дикий крик. Минут пять Елена выла иерихонской трубой, бессвязно вопрошая провидение, почему с ней это произошло, а когда на крики сбежалась вся семья, перешла к конкретным обвинениям.

– Ноутбук! Я оставила его на столе! Вчера! А сегодня его нет, нет и нет! – выла Елена. – Господи боже, там вся бухгалтерия, люди останутся без денег, что я начальнику скажу? Это все вы! Дима! Это твои дети!

Кривым пальцем с длинным красным ногтем она обвиняюще ткнула Варваре куда-то в область живота. Варя испуганно спряталась за отца, лохматого со сна, выбежавшего на шум в растянутых пижамных штанах с веселыми пингвинами на коленках. Загородив дочь, Дмитрий нахмурился и уперся кулаками в бока.

– На черта моим детям твой ноутбук? – возмутился он. – Выражаясь фигурально, на фига козе баян? У них свои ноутбуки есть у каждого.

– У Варьки нет, – наябедничал Леша и высунул язык.

– Точно, – победоносно воскликнула Елена. – У Варьки нет ноутбука. Она с самого утра шастала по дому со своим конопатым дружкой. Наверняка взяла поиграть и куда-то замылила.

– Да я Ваську провожала, – возмутилась Варя. – Ничего я не шастала. Мы попили чаю, и он пошел домой.

– С ноутбуком под мышкой, – хихикнул Леша. – А ты его из комнаты вынесла.

– Дима, это серьезно, – произнес муж Елены Олег. – Это же не игрушка, там – документы. Месяц заканчивается, целое предприятие ждет зарплату. Скажи дочери, пусть вернет по-хорошему!

– Никакой ноутбук я не брала, – зло сказала Варвара. – И в вашу комнату даже не заходила.

– А не она, значит, дружок ее, – поджав губы, заявила Елена. – Мальчишка из неблагополучной семьи, растет, как лопух, небось привык тибрить все, что плохо лежит!

– Из какой неблагополучной, если его отец – участковый? – удивился дедушка. – Лен, ты палочку-то не перегибай!

– Ой, всё, – отмахнулась Елена, грузно села на кровать и, закрыв лицо ладонями, глухо пробормотала: – Меня же выгонят к чертям, если не посадят. Кто-нибудь эти деньги присвоит. Нет, это всё ваши дети! Я видела: вчера Злата с каким-то парнем в саду сидела допоздна, а Сеня перед домом с соседской девичей прогуливался. Наверняка вынесли им ноутбук!

Злата и Арсений, молча выслушав эту тираду, отреагировали по-разному. Сеня молча закатил глаза, фыркнул и удалился, задрав нос на невозможную высоту, тем самым показывая, что он думает о подозрениях тетки. Злата тоже закатила глаза и ушла, но, в отличие от брата, не молча, а мурлыкая песенку, за которую в другое время получила бы от матери по шее. Но на сей раз Светлана, услышав от дочери: «Голуби летят над нашей зоной...», лишь криво усмехнулась. Варя же вздохнула. Самоизоляция начиналась совсем не так, как планировала семья Смородиных.

Они все перессорились прямо за столом. Бабушка расстаралась, приготовив праздничный обед на целую роту. Старенький стол на террасе раздвинули во всю ширь, и собравшаяся семья уселась вкушать изысканные яства, как старосветские помещики в фильмах главного режиссера страны, который сам преимущественно играл царей и генералов. И точно так же, как в этих фильмах, все делали вид, что за стенами уютного дома не происходит никаких бед, это просто семейный обед, праздник, как Новый год или именины. Однако по телевизору, который выключили только на середине мероприятия, спохватившись, что выпуск новостей не способствует пищеварению, показывали какие-то ужасы, нагнетая и спрессовывая взрывоопасную атмосферу. Неудивительно, что раздражение родни, которая и в мирное время друг друга на дух не выносила, прорвалось, как фурункул, забрызгав присутствующих клокочущим ядом. А началось все с мирного вопроса: кто где разместится, ведь дом Смородиных-старших, хоть и был весьма просторным, на такое количество гостей, приехавших не на день, и даже не на неделю, не был рассчитан.

– Думаю, мы с Олежей разместимся в гостевой спальне, – решительно сказала Елена. – А Лешенька будет жить в библиотеке. Там стоит диван, двери плотно закрываются, и ему никто не мешает делать уроки.

– Не жирно ли Леше целую библиотеку? – невежливо спросил отец. – Нам-то ты где предлагаешь спать?

– Господи, в вашем распоряжении гостиная и терраса, места – завались, – отмахнулась Елена. – Я бы сама тут разместилась, но не могу, мне нужна тишина и покой, чтобы свести дебет и кредит. А вам тут будет хорошо: свежий воздух, много света... Дети под боком.

– Нашим детям, на минуточку, тоже надо делать уроки, – возмутилась мать. – А нам – работать.

– О мой бог, – театрально прогундосила Елена и даже пальцы к вискам поднесла, чтобы показать, что она думает о работе брата и невестки, а Олег, одобрительно гугукнув, поддакнул жене:

– Вы же фрилансеры, вам не все ли равно, где ничего не делать? Сели на терраске – и долбите там по клавишам в свое удовольствие, видосики смотрите, прикольчики всякие, или чем вы там обычно занимаетесь. Прямо умора, за что только людям деньги платят...

– Лена, Олег, – вмешалась бабушка, – гостиная – проходная комната, Дима со Светой будут спать утром, когда мы начнем шарашиться, завтрак готовить. Это не выход.

– Ну, не на завод же им, в конце концов? – капризно возразила Елена. – Выспятся днем. Впрочем, я не настаиваю, не хотят в гостиную, есть мансарда.

– Там холодно, – сурово ответил дедушка. – И электричества толком нет.

– Тогда я не знаю, – надулась Елена. – В конце концов, я свою проблему решила, теперь они пусть решают свои. И еще надо определиться с едой. Мама, ты слишком много готовишь, и все очень жирное. Лешенька не может есть жирную пищу.

Варя подняла глаза и фыркнула. Леша в этот момент доедал вторую порцию свинины с картошкой, только за ушами трещало. Васька, которого оставили на обед, загоготал так, что подавился, и Варя постучала его ладшкой по спине. Елена прервала свою речь и посмотрела на соседского мальчишку с неприязнью.

– Вообще во время эпидемии с посторонними лучше не пересекаться, – назидательно произнесла она. – Людям по домам надо сидеть, а не по гостям шастать. Сразу видно, что воспитание у молодого человека хромает.

Васька покраснел так, что его коричневые веснушки растворились на коже. Он пробурчал что-то извинительное и попытался сползти со стула, но Варя удержала его, а отец ехидно осведомился:

– И чего ж вам тогда дома не сиделось? Накинулась на мальчишку, потому что он ответить не может?

– Ничего я не накинулась, – отмахнулась Елена. – Мама, у вас продается безлактозное молоко? У Леши жуткая аллергия на лактозу. И надо что-то решить с продуктами. Думаю, Дима, ты должен взять на себя пропитание семьи. Все-таки вас больше всех.

– А вы святым духом будете питаться? – осведомился отец.

Елена закатила глаза.

– Какой ты мелочный... Мама, спасибо, все было вкусно. Пожалуй, я пойду прилягу... Светочка, ты же поможешь со своими девочками убрать со стола? Олежа... Разве тебе не надо полежать? Ты всю дорогу вел машину...

* * *

Родителям удалось отвоевать библиотеку, узкую, как нора, где, помимо высоченных полок с книгами по криминалистике, хранилась генеральская форма дедушки. Детям отдали гостиную. Варя и Злата должны были спать на раскладном диване, который от глаз мальчишек огородили раскладывающейся на ночь ширмой с павлинами. Чтобы изоляция была полной, Злата положила старую гардину между ширмой и шкафом и старательно разгладила все складочки на плотных шторах.

– Мальчишки любят глазеть, – пояснила она. – Этот Лешка наверняка будет подглядывать.

– Если будет, что тогда? – спросила Варя. Злата махнула подбородком в сторону швабры.

– По мордасам получит, – пообещала она. – Эх, нам, главное, раньше Сени уснуть...

Варя понимающе кивнула. Дома им с братом не приходилось спать в одной комнате, поэтому к новым условиям она была не готова.

Вечером, когда дети, за исключением надувшегося Леша, уселись за настольную игру, Дмитрий и Елена, укрывшись от посторонних глаз за кустом голой сирени, вдохновенно выясняли отношения. В открытое окно долетали обрывки фраз. Варя, которая пропускала свой ход, беззастенчиво подслушивала, озабоченная сложившейся ситуацией. Перспектива провести карантин вместе с родственниками ее не радовала. Она и без того была вынуждена терпеть бесконечное присутствие Златы и Сени, от скуки шпынявших сестру почему зря. Теперь же к ним прибавилась вредная тетка с мужем и сыном.

Что сказал отец, Варя не расслышала, а вот злое шипение тетки донеслось до нее отчетливо:

– Попробуй только со мной связаться! Пулей отсюда вылетишь! Да я костями лягу, а вытворю тебя из дома. Поедешь обратно, как миленький!

– Посмотрим еще, кто поедет, – ответил отец.

– Посмотрим-посмотрим, – передразнила Елена и рассмеялась. – Любой отъезд всегда организовать можно, даже если кто-то этого очень не хочет.

* * *

За день настроение в доме Смородиных не улучшилось. Ноутбук не нашли, Елена ходила заплаканная, бросала на детей гневные взгляды и то и дело заводила речь о том, что даже для малолетних преступников есть свои зоны. Лишь гневные замечания родителей заставляли ее ненадолго замолчать.

Варвара приглядывалась ко всем обитателям дома, а потом вышла на улицу, рассеяно почесала собаку и прогулялась в палисаднике, внимательно оглядев окна и землю под ними. Удовлетворенная увиденным, она хмыкнула и вернулась в дом.

Вечером, когда ничего не подозревающий Васяка явился поиграть, а заодно и поужинать, Елена не выдержала.

– Признавайся, куда ты его дел? – воскликнула она, схватила парня за плечи и затрясла так, что его голова болталась, как шарик на веревочке. Спрячь Васяку ноутбук за пазухой, тот непременно вывалился бы наружу.

– Оставь мальчишку в покое, что ты творишь! – возмутился дедушка.

– Чтобы он сбежал? – закричала Елена. – Его надо обыскать! Весь дом надо обыскать. Наш и его! Папа, давай поднимем старые связи! Ну и что, если его отец участковый. Подумай! Позвони прокурору, пусть даст санкцию. Господи, мой ноутбук со всеми документами уже наверняка на черном рынке где-нибудь на мексиканской границе! Завтра вся контора в трубу вылетит!

– Не вылетит, – сказала Варвара.

Елена, уже набравшая воздуха для очередного вопля, закашлялась и поглядела на племянницу с подозрением.

– Что ты сказала?

– Я сказала, что никто никуда не вылетит. Ноутбук в доме.

В глазах Елены вспыхнуло торжество.

– Ага! Я же говорила, что это она его взяла! Признавайся, негодяйка, куда ты его спрятала?

– Выбери выражения, – воскликнула мама, а потом, сурово сдвинув брови, повернулась к дочери: – Так, Варя, обещаю, я не буду тебя ругать, но ты должна признаться, зачем взяла тетин ноутбук? Поиграть хотела?

– Я его не брала, – холодно ответила Варвара.

– Но ты только что сказала, что он в доме.

– Но я не говорила, что это я его взяла.

– Что это значит? – строго спросил Олег.

Мама бросила на него ядовитый взгляд.

– Это значит, что компьютер слямзил кто-то другой, – пояснила она и нерешительно поглядела на Ваську. – Дочь, ты же не хочешь сказать, что...

– Не хочу, – успокоила мать Варя и важно добавила: – Но в нашем доме произошло преступление, и преступник должен быть изобличен.

– Что за цирк? – фыркнула Елена. – Я, конечно, помню детскую мечту вашей дочери стать следователем, но, может, вы просто отдадите мне мою вещь?

– Помолчи! Пусть ребенок говорит, – прикрикнул дедушка, а затем, помолчав, гордо добавил в бороду: – Моя школа.

Приободренная Варя оглядела притихших родственников и вдохновенно продолжила:

– Итак, как учил меня дедушка, преступления совершают те, кому они выгодны. И для его совершения нужен мотив. Когда ноутбук пропал, я решила подозревать всех. Первой я исключила себя: я точно знала, что ноутбук не брала, таким образом, на одного подозреваемого у меня стало меньше.

– Во дает! – сказал Сеня.

– Затем я подумала о мотиве, – продолжила Варвара. – Сам по себе ноутбук особой ценности не представляет.

– Еще как представляет! – возразила Елена. – В нем документов на миллионы. Не говоря уже о том, что он сам не дешевый.

– Не дешевый, – согласилась Варя. – Но и не самый дорогой. И не новый. Я видела, что эта модель даже серьезные игрушки не потянет. У отца и мамы компьютеры лучше, про Сенин я вообще молчу. Если бы вор решил украсть ноутбук, то выбрал бы другой. Что из этого следует?

– Что вы бы не стали воровать сами у себя, – обрадовался Олег.

– Что вора интересовало его содержимое, – возразила Варя. – Именно эту версию я рассматривала первой, но быстро ее отбросила.

– Почему? – возмутилась Елена. – Там куча нужных файлов.

– А какой у вас на нем пароль? – спросила Варя.

Елена развела руками.

– Зачем мне пароль на своем компьютере?

– Вот именно, – торжествуя произнесла Варя. – Компьютер не запаролен, в него можно просто влезть и все интересующие документы скинуть на флэшку или отправить на электронную почту. Для чего красть ноутбук? Это ведь не удастся скрыть. Значит, его крали не из-за содержимого. Он был нужен для чего-то другого.

– Или это сделал тот, у кого ноутбука нет, – сладким голосом пропела Елена и повернулась к Ваське: – Скажи, дитяtko, у тебя дома есть компьютер?

Васька позеленел, а Варя махнула рукой.

– Я снова вернулась к тем, кто мог его стащить. Под подозрением, как я и говорила, были все, кроме меня. Потому что глупо расследовать преступление и подозревать саму себя. Я исключила Ваську, поскольку лично проводила его до дверей, и он точно ушел без ноутбука. К тому же, вы еще работали в тот момент. Конечно, Васька мог вернуться, как и еще сорок разбойников, и прокрасться в дом через ваше окно, но я специально походила в сад. Под вашим окном – грядка, земля очень влажная. Любой, кто попытался бы влезть в дом, оставил бы следы.

– Будто других окон нет, – фыркнул Олег.

– Есть, – согласилась Варя, – но только в ваше прощe всего залезть через палисадник. Рядом окна гостиной, а они с этой стороны не открываются. Можно было бы предположить, что вор залез в окно гостиной со стороны двора, но эту версию я тоже отмела.

– Почему это? – ехидно спросил Олег.

– Там собака, – подсказал дедушка, очень заинтересованный рассказом.

Варя кивнула.

– Да, там Бося, а он, хоть и добрейший пес на свете, поднял бы лай. Таким образом, мы исключаем всех чужих, как и предположения о том, что комп сперли подружка Сени или друг Златы, с которыми они гуляли накануне. Как я уже говорила, тетя Лена еще работала на ноуте, когда ушел Васька и пришли с прогулки Злата и Сеня. Отсюда вывод: ноутбук взял тот, кто был в доме. У нас осталось всего девять подозреваемых.

– Почему девять? – подозрительно спросила Елена, оглядев присутствующих. – Если ты исключила себя, должно быть восемь.

– Я не стала исключать вас, – любезно ответила Варя. – Вы могли придумать эту историю с кражей ноутбука, чтобы оговорить нас. Итого – девять подозреваемых.

– Зачем мне это надо?

– Затем, чтобы мы уехали, – сказала Варя. – Я слышала вашу ссору с отцом, потому и предположила, что вы придумали кражу ноутбука, чтобы скомпрометировать кого-то из нас. Но потом я увидела, что вы всерьез расстроены и плачете, а вы не настолько хорошая актриса, чтобы убедительно рыдать. Так я исключила вас. Осталось восемь. В итоге я перебрала все варианты. Первыми я исключила родителей. Не потому, что мне так хотелось, а потому что дверь в библиотеку, где они спят, нельзя открыть, если диван разложен. К тому же она скрипит, как сатана. Чисто теоретически стащить ноутбук могли бабушка и дедушка, им это было легче всего: и дверь в спальню не скрипит, и дом они знают, но я не смогла придумать ни одного внятного мотива.

– Спасибо большое, – сказала бабушка.

– Не за что. Потом я отбросила Злату. Мы спим на одном диване, ей бы пришлось перелезать через меня, и она наверняка бы меня разбудила. Но даже если нет, она бы сдвинула ширму и загородки, которые мы поставили от мальчишек, а утром они находились на прежних местах, каждая складочка. Остался Сеня. Но вы посмотрите на Сеню, он же настоящий шкаф.

– Да, я такой, – скромно сказал Арсений и накрепк бицепс.

– Вы можете представить, что Сеня бесшумно прокрадется куда-то? – лукаво спросила Варя. – Особенно ночью, в темноте, в комнату, в которой он не знает, где что лежит?

– Он и днем-то обо все спотыкается, – пробормотала мама. – Реально, как шифоньер стал, в двери боком проходит. Не ребенок, а мамонт. Как я тебя вообще родила такого здорового? Четыре кило живого веса попой вперед...

– И прежде чем я перейду непосредственно к участнику преступления, мне бы хотелось закончить с Сеней, – продолжила Варя. – Есть одна важная деталь. Сеня – храпит.

– Ничего подобного, – возразил Арсений.

– Храпишь, – подтвердила Злата. – Как трактор. Трактор в поле дыр-дыр-дыр, мы за дружбу, мы за мир.

– Ну, храплю, – согласился Арсений. – И чего?

– И ничего, – ответила Варя. – Мы привыкли. А вот тому, кто спал рядом с Сеней, было тяжело. Не так ли, Леша? Потому ты ворочался, а потом вспомнил разговор мамы и дяди Димы и решил: если у мамы что-то пропадет, она обвинит нас, и мы уедем. Поэтому ты встал, прокрался в комнату к родителям, взял ноутбук и спрятал. Тетя Лена говорила: Лешенька очень плохо спит. Когда мы играли в лото, Леши с нами не было, он торчал во дворе и слышал разговор наших родителей. А почему ты взял мамин комп, а не наш?

Елена ахнула и побледнела.

– Леша? – тихо спросила она.

Тот покраснел и опустил голову.

– Если бы ваш взял, вы бы на нас подумали, – тихо сказал он. – И нам пришлось бы вернуться домой. А нам нельзя, там вирусы и все такое. Я подумал: уж лучше вы...

Он всхлипнул, а потом выбежал из комнаты, в которой воцарилась гробовая тишина. Спустя минуту Леша вернулся с ноутбуком в руках.

– Я больше так не буду, – сконфуженно произнес он.

– Ну, раз мы разобрались, давайте пить чай, – скомандовал дедушка.

Елена Логунова

На земле мир

– Христос воскрес! – заговорщицким голосом сказала Ирка в телефонной трубке.

– А почему так конспиративно? Это же вроде официальная версия, он воистину воскрес? – поинтересовалась я, приподняв голову с подушки, чтобы оценить яркость светлой линии между полотнищами штор.

Раньше время по утрам я с легкостью определяла на слух – по характеру и интенсивности шума во дворе соседнего детского сада, но карантин сбил все настройки. Теперь у нас и в девять утра предрассветная тишь, только птички поют-заливаются.

– Воистину воскрес, и по этому поводу мы сегодня организуем спецоперацию, – по-прежнему таинственно ответила моя лучшая подруга, но не сдержала ликования и слишком повысила голос, разбудив и моего супруга.

– На моем головном мозге? – плаксиво уточнил он место проведения спецоперации.

Ирка, довольно хохотнув, отвалилась от трубки и уступила место собственному благоверному.

– Колянос, амиго! – радостно завопил тот. – Текила стынет, мясо маринуется, препарат нумеро уно!

– Еще и препарируют? – боязливо пробормотал не проснувшийся толком Колян и от греха подальше уполз под одеяло с головой.

– Трусилка зайка серверный, – попеняла я ему. – Знал бы не только языки программирования, понял бы, что это испанский. Моржик сказал: готовность номер один! Кстати, к чему? – я опять сменила собеседника, вновь притиснув к уху трубку.

– Ну как же! Вы едете к нам в гости!

– Да? – я почесала в затылке. – Но карантин же...

– Так. Вы уже сколько сидите? Три недели? И мы три недели. У вас все здоровы? И у нас все здоровы. И – та-да-да-дам! – губернатор разрешил с одиннадцати до шестнадцати часов совершать деловые поездки по городу на личном транспорте!

– Так то деловые... – засомневалась я.

– А у нас к вам дело! – уверенно заявила подруга. – Даже два дела: текила и шашлык!

– Мне показалось – или кто-то сказал «шашлык»? – откинул одеяло Колян.

– Воистину воскрес! – сдалась я. – Ждите, скоро будем!

Спецоперация началась в одиннадцать ноль-ноль. Яростно шикая друг на друга, я, муж и сын гуськом спустились по лестнице. Несмотря на предпринимаемые усилия, шесть ног и три речевых аппарата производили многовато шума.

В трехэтажном «сталинском» доме, где мы живем, всего двадцать четыре квартиры, по две на этаже, и даже в докарантинные времена у нас было тихо-спокойно. Теперь же и вовсе тишь да гладь... Хотя препятствий на пути совсем не осталось: во всех четырех подъездах двери с кодовым замком день и ночь стоят нараспашку, чтобы можно было ходить туда-обратно, ни к чему не прикасаясь. Лифтов у нас, понятное дело, нет.

– Внимание! – Колян высунул нос на крыльцо и огляделся. – Все тихо, первый пошел! – доложил он и выскользнул за дверь.

Я заняла освободившееся место на пороге и полюбовалась, как затейливо, суперкороткими перебежками от одного укрытия до другого, супруг продвигается к нашей машине во дворе. По прямой до нее было метров двадцать, но Колян умудрился превратить их в сто, проложив путь по сложной кривой с остановками за мусорным баком, одиноким деревом в центре круглого двора, вывешенным кем-то на просушку пододеяльником и столбом, поддержи-

вающим навес над крыльцом соседнего подъезда. За столбом двухметровый могучий Колян не помещался даже навытяжку, «в струнку», и в комплекте с навесом со стороны походил на одинокого атланта.

– Типа, все остальные атланты ушли работать на удаленку, – хихикнул сын, когда я поделилась с ним этой своей ассоциацией. – Я так и не понял, зачем мы прячемся? По телевизору же говорили, с одиннадцати до шестнадцати можно ездить на машинах без пропусков?

– Это не мешает кое-кому заклеить нас позором, – заверила я его. – Бабке Плужниковой губернатор не указ, она предаст нас анафеме как нарушителей карантина и будет кричать из своего окна, как Ленин с броневика, пока не сорвет голос.

– А потом будет страшно сипеть и плевать, – поежился сын.

Манеры бабки Плужниковой мы оба знали прекрасно. Эта старушка под девяносто лет в свое время была какой-то важной шишкой в крайкоме профсоюзов, и с тех пор ни на йоту не утратила гражданской активности. Не смотрите, что с виду бабуся божий одуванчик, ей только дайте классового врага – и она будет бороться с ним до своей неминуемой победы.

Дождавшись, когда Колян заведет машину, мы с сыном синхронно просквозили через двор по кратчайшему пути, запрыгнули в наш экипаж и уже на ходу пристегнулись. Колян не стал дожидаться, пока мы комфортно устроимся – он тоже в курсе привычек бабки Плужниковой и уже не раз принимал на крышу авто ядовитые плевки, яблочные огрызки и фруктовые косточки. По-моему, бабка специально складировает их у себя на балконе, чтобы всегда иметь под рукой необременительные метательные снаряды – верное средство выражения недовольства, осуждения и презрения. И ладно бы старушка этим ограничивалась, так нет же: она еще и жалуется на всех подряд куда только можно! Увидит нас сейчас – напишет тому же губернатору на сайт, например, или в твиттер. Бабуля смекалистая и успешно осваивает новые технологии. В домовый чат наш строчит, точно Анка-пулеметчица!

– Кажется, пронесло, не увидела, – выдохнула я, скользнув взглядом по закрытым окнам бдительной старушки.

С внутренней стороны тихий дом с подъездами нараспашку выглядел необитаемым, как будто жители в спешке его покинули. Отчасти так и было: те из соседей, у кого имелась дача в пригороде, предпочли самоизолироваться там, поближе к природе. На втором этаже в одном из окон безмятежно спал кот, на третьем за плотной антимоскитной сеткой смутно маячило крупное оранжевое пятно – не иначе еще одна наша возрастная соседка, Элина Абрамовна Фунтова. Она обожает блестящие атласные халаты ослепительных цветов – лично я ее наблюдала в алом, апельсиновом и золотом. Колоритная женщина, ей уже за семьдесят, а она так энергична и жизнерадостна, что ее взрослые дети хватаются за голову. Другие в ее возрасте развлекаются исключительно перед телевизором, а Элина Абрамовна то в музей на открытие выставки, то на танцы в парк унесется. Есть у нас в городском парке такая пенсионерская дискотека, там бодрые бабушки и дедушки отплясывают на зависть молодым... отплясывали до карантина. Сейчас, конечно, и они сидят по хаткам – группа риска, как-никак.

Вырулив со двора, мы объехали дом, построенный буквой «Г», с внешней стороны. Тут былой живости тоже не наблюдалось: не парусило свежевystиранное белье на веревках, не лилась из окон музыка, не пыхал сигаретный дым... Только в жилище многодетного семейства Чельшевых на первом этаже жизнь по-прежнему бурлила – в одной комнате занавески на окне тряслись, как юбки пляшущей цыганки, а в другой, похоже, разворачивалось сражение. Когда мы проезжали мимо, в оконное стекло изнутри с размаху вlepился невнятный комок цветных соплей с глазами, мгновение помедлил, пучеглазый и распластанный, а потом скукожился и пополз вниз.

– У Чельшевых прибавление? – спросил Колян, зафиксировавший это явление краем глаза.

– Это не ребенок, папа! Это лизун! – захохотал сын, к своим семнадцати еще не забывший простые радости детства.

– А так похож на Ваську, – пожал плечами Колян.

– Такой же синий? – догадалась я.

Василий Чельшев, увы, был большой любитель заложить за воротник.

У нас, надо сказать, интересный дом, кого в нем только нет. То крыло, где мы живем, строилось как элитное жилье, которое получали партийные боссы краевого уровня. Из этих первопоселенцев в живых осталась одна бабуля Плужникова, так что былой стройности ряды жильцов уже не являют. Потомки партайгеноссе пошли по дороге жизни врассыпную, кто-то вообще продал отчий кров – нам, кстати говоря. А второе крыло изначально было населено трудягами, заслужившими квартиру работой в заводских цехах. Завод уже закрылся, рабочие специальности давно не в чести, и кого теперь только в нашем доме нет. Рукастые мужики, сшибающие копеечку где придется, алкоголики-тунеядцы, офисные клерки, учительница, врач, жена богатого мужа, удравшего от нее в Испанию, депутат горсовета, пара бизнесменов средней руки, мелкий торгаш, превративший свой ржавый гараж-ракушку в склад ворованного бензина, два таксиста, с десяток пенсионеров, а еще программист и писатель – это мы с Коляном. Ну, и дети, конечно, в основном, школьники. Не двор, а действующая модель страны в миниатюре.

Без помех и препятствий, не удостоившись внимания патрулей, мы прокатились через город насквозь и приехали в ближний пригород, где в большом прекрасном доме живут наши лучшие друзья – Ирина и Сергей Максимовы, они же Ирка и Моржик. Плюс шестилетние близнецы Масяня и Манюня, увесистые крошки ангельского обаяния и демонической энергии, а еще звероподобный добряк алабай Мотя и хитрющий кот Макс. Шикарная компания для праздника.

Праздник, без сомнения, удался. Погода стояла прекрасная, птички пели, пчелки жужжали, шашлык был хорош, и его всем хватило, дети быстро наелись и умелись гулять по пасторальным окрестностям с собакой – их троих как раз хватало, чтобы уравновесить одного разогнавшегося алабая. На земле воцарился мир, в человеках благоволение. И, видно, не мы одни хорошо праздновали и веселились, потому что мой телефон то и дело пищал, принимая сообщения в домашний чат. Жильцы дома, нами тайно покинутого, обменивались поздравлениями и поднимали друг другу настроение тематическими шутками.

Неожиданно мажорно зазвучала вдруг тема карантина. Настя Лосева, внучка роскошной Элины Абрамовны, выложила в чат видеозапись бабушки. Элина Абрамовна, большая любительница классической музыки, неплохо поставленным голосом распевала арию Мистера Икс из оперетты «Принцесса цирка»: «Живу без ласки, боль свою затая... Всегда быть в маске – судьба моя!» – и на последних словах срывала с себя медицинскую одноразовую маску и аплодисменты публики заодно.

Поддатый развеселившийся народ с готовностью включился в игру. Сосед дядя Боря Трошин в обвисшем трико и красном пиджаке поверх майки-алкоголички смешно спародировал юного Игоря Саруханова, спев на новый манер его старый хит про «это кара-кара-кара, кара-кара... Каракум!» – только у него был не Каракум, а карантин.

Василий Чельшев тут же выдал ответочку, выложив видео своих деток, которые закрутили хоровод, распевая: «Как на чьи-то именины испекли мы... карантин! Карантин, карантин, тарахтим и тарахтим!» Получилось смешно. И правдиво. У мамы Чельшевой, попавшей в кадр, было такое лицо, что увидишь – не усомнишься: тарахтением она сыта по горло.

– Ну, понеслась душа к богу в рай! – хмыкнула я и этим ограничилась. Мне шутками просто так разбрасываться нельзя, я их в книжки вставляю, мне издатель за это денежки платит, дай ему бог здоровычка.

А вот Ирка, непризнанная миром поэтесса, вызов приняла и безотлагательно поучаствовала в творческом конкурсе.

– Ах, карантин, удивительный мир, где перемешан Париж и Памир! – напела она на мотив старой песни про карнавал и тут же отняла у меня смартфон, чтобы закинуть свой корявый стишок в наш домовый чат. – «Если ты с нами всю ночь коротил, снова приедешь к нам на карантин...» А, как тебе?

– Так себе, – не расщедрилась я на похвалу. Я очень строгий литературный критик, а Ирка – запойный рифмоплет, ее нужно поощрять с осторожностью. – Рифма внятяжечку. Что значит «коротил»? Как это понять?

– Как короткое замыкание? – предположила подруга. – Типа, кто-то так веселился, что аж искры из глаз летели и подошвы плавились. Коротил он!

– Тогда почему «всю ночь»? – не сдалась я. – Короткое замыкание – оно ба-бах – и все, одноразовое действо!

– Вот ты вредная, – Ирка вздохнула и снова полезла в чат, что-то там поправить, но осеклась: – Э-э-э? А где? Что такое!

Только что отправленный стишок из чата исчез.

– Пропололи твоё творчество, Ирина Батьковна, – объяснил происходящее Колян, опрометчиво не добавив в голос сочувствия. – Злобный модер удалил сообщение как не соответствующее...

– Чему? – насупилась Ирка. – Высокому уровню прочих конкурсных работ? – и она шумно шмыгнула носом.

– Да это глюк какой-нибудь, – поспешила я успокоить подругу. Графоманы – они ужасно обидчивые. Ирка вот своё творчество позволяет критиковать только мне, все остальные, даже Моржик, обязаны ее опусами восторгаться, иначе плохо им будет. – Сейчас я разберусь, – и я набрала нужный номер. – Алло, Мариш?

– Париж! – издевательски ответили в трубке и басовито захохотали.

– Семен Петрович, с праздником вас, верните мобильник супруге, пожалуйста, – вежливо попросила я. – Мариш, привет, у вас, я слышу, все прекрасно?

– Полагаешь, меня должно радовать, что мой муж, интеллигентный человек, напивается тут, как сапожник? – уныло отозвалась Марина.

Она наш управдом и моя бывшая однокурсница. Собственно, это с ее подачи мы когда-то купили квартиру в сталинском доме. Хотя сейчас Марина с супругом карантинят за городом, в конце марта они как раз вернулись из поездки во Францию и вынуждены были самоизолироваться отдельно от родственников. Уже четвертую неделю Марина с Семеном Петровичем сидят на даче, а Элина Абрамовна с Настей – в четырехкомнатной городской квартире, где обычно они живут все вместе. Марина по этому поводу очень страдает. Она вообще такая – истовая страдалница. Сама страдает и всех остальных заставляет. В универе она у нас старостой группы была, ух, как мы все ее тогда ненавидели...

Марина Лосева, дочка блистательной Элины Абрамовны Фунтовой, похожа на матушку только внешне. Характер у нее совершенно другой, Марина поразительно пессимистична, вечно всем недовольна и никогда не упускает повод поплакаться в опрометчиво подставленную ей жилетку. Я поняла, что совершила роковую ошибку, и попыталась быстренько закруглить разговор, перейдя непосредственно к теме:

– Мариш, это ты мое сообщение в соседском чате удалила?

– Делать мне нечего, только ваши сообщения удалять. Я его даже не видела, что там стряслось, опять канализация? Надо управляющую компанию менять, невозможно с ними работать, – заворчала соседка.

– Спокойствие, все нормально с канализацией, вообще все в порядке, мы тут просто шутим, веселимся, а мое сообщение почему-то исчезло...

– А давай и ты сейчас исчезнешь? – весело предложил мне пьяный бас – Семен Петрович опять присвоил трубку жены. – Смотри, какой день хороший, охота тебе его портить разговором с Маринкой? Она же бу-бу-бу, бу-бу-бу... Кто не подготовленный, послушает немного – и пойдет петельку вить, мыльцем мазать. Оно тебе надо?

– Мудрый вы человек, Семен Петрович, и самоотверженный, – вздохнула я.

– Ты наших-то видишь там, как они? – понизил голос сосед.

– Кого вижу, кого слышу, – ответила я. Мы с Лосевыми соседи, хотя их квартира в другом подъезде: одна стена у нас общая. – Элина Абрамовна песни поет, Настя иногда в магазин выходит, мы там с ней как-то встретились. Все нормально у них, не волнуйтесь.

– Скажи, пусть не беспокоятся, отдыхают, дышат полной грудью, я Маринку удержу.

– Ну? – требовательно вякнула Ирка, едва дождавшись, пока я закончу разговор.

– Никто ничего не удалял, я была права, это просто глюк какой-то. Хочешь, вот тебе мой телефон, напиши заново свой стишок.

– Нет уж, не хочу, настроение пропало, – вздернула нос подружка.

Я не стала ее уговаривать, настроение пропало вовремя – праздник пора было заканчивать. «Окошко», любезно распахнутое губернатором для переездов по городу, уже закрывалось.

К шестнадцати часам мы уже были у себя. Меня и сына Колян высадил из машины на подъезде к двору, и мы поодиночке незаметно просочились в дом. Бабка Плужникова была на посту, но нас, протекавших по-над стеночкой, не заметила. Колян, припарковавшись, открыл зонт и дошел до подъезда под его прикрытием. С третьего этажа бабка его под зонтом не разглядела, поэтому на личности перейти не смогла, лишь проорала свое обычное: «Шляются тут всякие!» – но это она кричит всем подряд, даже бесхозным котам и собакам. В последнее время этот бабкин крик жильцы нашего дома воспринимают как сигнал о появлении курьера из службы доставки.

– Жаль, что у папы в машине всего один зонт, а не три, – задумчиво молвил сын, когда мы уже поднялись в квартиру. – Представьте: медленно-медленно въезжает во двор большая черная машина. Одновременно открываются дверцы. Из них синхронно выстреливают три больших черных зонта. Выстраиваются «свиньей» и плывут напрямик к третьему подъезду, а там бабка Плужникова... Вот у нее шок будет!

– Особенно если зонты пойдут напрямик через двор, прямо по клумбе, и трава за ними будет покрываться изморозью или жухнуть и дымиться, – добавила я.

– Средство для прочистки труб! – тут же предложил сынок. – Сделать в крышке дырочку, перевернуть, держать в руке и на ходу лить на газон тонкой струйкой!

– Траву жалко, она на самом деле пожухнет, – возразила я. – Надо что-то другое...

– Простенькие дымовые пашки, – подсказал Колян, протискиваясь мимо нас в прихожую с зонтом-тростью наперевес. – Могу быстро сделать, если нужно, мне понадобится одна пластмассовая линейка и...

– Спасибо, не надо! – опомнилась я. – Сегодня мы бабку Плужникову уже победили, для одного дня достаточно.

Мне никто не возразил, однако позже выяснилось, что не все согласились со сказанным. Часика через три – уже стемнело – наш тихий двор огласил визгливый крик.

– Черт! Черт с рогами! – орала бабка Плужникова и, судя по дробному стуку, неприцельно пуляла в нечистого подручным мелким мусором.

Я дернула створку окна и перегнулась за подоконник. Рядом, едва не вытолкнув меня наружу, с усилием втиснулся Колян.

– Смотри, смотри! – восхищенно забормотал он. – Реально черт!

– С рогами, – пробормотала я и на всякий случай крепко протерла глаза. Текила у Максимовых была крепкая, с такой и до чертиков допить раз плюнуть. – И с глазами!

Глаза у черта были роскошные, всем бы такие! Большущие, сияющие и необычного разреза: миндалевидные, с приподнятыми внешними уголками. Светились они неярко, видимо, вполне, но очень красиво – зеленовато-желтым с переливами. Поскольку сам черт с головы до ног был угольно-черный, фосфоресцирующие глаза на темном фоне смотрелись очень эффектно. Баба Плужникова до крайности впечатлилась и безостановочно голосила:

– Изыди! Сгинь! Чур, меня! Проваливай в ад!

А ведь была когда-то коммунисткой и атеисткой. Фу, перевертыш.

Черт, невозмутимо стоящий посреди двора, проваливать явно не собирался, но бабкину практику экзорцизма без внимания не оставил. Он медленно поднял руку, разжал кулак и выпустил из него один палец, направленный четко на бабкин балкон.

– А какой это палец он ей показал, я не вижу, указательный или средний? – живо заинтересовался Колян.

– Точно не большим, – ответила я, потому как было ясно, что одобрения у черта бабкино поведение не вызвало.

А потом нечистый, подметая двор длиннополым плащом, размеренно прошагал прямоком к третьему – бабкиному! – подъезду и скрылся в нем.

В некогда спокойном дворе установилась и вовсе гробовая тишь. Потом кто-то громко икнул, и нетрезвый голос Василия Чельшева торжественно изрек:

– Кирдык бабуся!

– Э-э-э... Наверное, бабушку надо спасать? – неуверенно спросил Колян, но не тронулся с места.

– Эй, ну че там, кто видит? – нарушил затянувшуюся паузу дядя Боря Трошин. У него только одно окно во двор, и из него третий подъезд не виден. – Петровна, ты еще живая?

Светлана Петровна Плужникова порцией брани дала понять, что она живет всех живых.

– Тьфу! Даже черт ее не взял, – досадливо выругался Чельшев, с подкупающей прямоотой выразив общее мнение.

Черт, на глазах у публики внедрившийся в бабкин подъезд, как будто испарился. Бесстрашные дети Чельшевых с радостным визгом промчались по этажам, засвидетельствовав бесследное исчезновение нечистого.

– А где наш сын? – вдруг вспомнила я.

Хлопнула дверь. Я поспешила в прихожую и застала там потомка. Ловким баскетбольным броском он отправил на диван в кухне скомканный темно-синий плед и сделал подозрительно невинное лицо:

– А я мусор вынес.

– А ну выверни карманы, – потребовала я. – Что у тебя там?

– Масочка...

– Масочка?!

– Кыся, в чем дело, сейчас носить маску – это нормально, – вступился за сына Колян.

– Даже если это маска Бэтмена?! – я гневно потрясла черной тряпочкой с ушками-рожками.

– Это шапочка Бэтмена, – поправил меня сын. – А маска Человека-паука, вот! – и он извлек из другого кармана вторую тряпочку.

– Так вот почему мне показался знакомым этот нечеловечески красивый взгляд! – обрадовался своему внезапному прозрению Колян. – Сынок, а как ты заставил линзы маски сиять, там же нет никакой подсветки?

– Но линзы светоотражающие, а я надел на шею головную повязку с фонариком из набора «Лего», помнишь, мама мне ее из Берлина привезла, там такой человек с лампочками в подошвах, я просто перевернул его ногами вперед и...

Обсуждая технические детали, отец и сын удалились в бывшую детскую, ныне, как выяснилось, превратившуюся в склад опасного психологического оружия.

– Ногами вперед, – беспомощно повторила я, понимая, что ничего уже не изменю. Что выросло, то выросло. И даже не имеет смысла спрашивать, в кого оно такое, потому как ответ я легко могу найти в зеркале. М-да. Может, зря я уговорила ребенка изучать интернет-технологии, хотя он мечтает стать писателем и журналистом? Ужасики ему определенно удались бы, а это востребованный и хорошо оплачиваемый жанр...

Запищал мой телефон. Бабка Плужникова не уgomонилась и, сорвав голос криками, продолжила истерику в домовом чате. По ее мнению, черт приходил не лично к ней, а ко всему нашему сообществу, потому как мы бога не боимся и совести не имеем, грешим без ее зазрения. Далее следовал долгий перечень грехов, в коих были замечены бабкой мы, ее соседи по дому. Народ притих, наблюдая эту бурю негодования, и прекратилось сие безобразие лишь когда наш управдом Марина написала в чат: «Светлана Петровна, прекратите немедленно, или я вас отключу». Она не уточнила, от чего именно отключит бабку. Я подумала, что от чата, но были еще варианты – от электричества, газа, Интернета. Бабка Плужникова не стала рисковать и заткнулась. Управдома, как любое начальство, она ненавидела и побаивалась.

Я пошла готовить ужин и спохватилась, что в доме нет хлеба, молока и яиц. С одной стороны, это было плохо, с другой – хорошо: появился повод сходить в магазин. Поскольку на улице уже стемнело, Колян вызвался меня сопровождать, и мы отправились за покупками. Идти было недалеко, сто метров туда и столько же обратно.

В магазине мы встретили Настю Лосеву. При виде меня, направляющейся к ней, она дернулась, но я не стала слишком приближаться, соблюдая предписанную социальную дистанцию. Мы очень коротко поговорили: я сообщила девушке, что разговаривала сегодня с ее родителями, у них все в порядке, Семен Петрович сказал, чтобы они с бабушкой не волновались, Марину он удержит. Тут я подмигнула Насте, намекая, что понимаю, как утомительно общение с ее маман, отчего девушку просто перекосило и она умелась от меня, как ошпаренная. Наверное, обиделась за маменьку.

У кассы мы снова встретились. Настя оказалась в очереди перед нами, и тут уж ей бежать было некуда – касса в магазине работала всего одна. Но, расплатившись, девушка ушла так быстро, что даже не взяла чек. Его прибрал рачительный Колян: чек оказался на крупную сумму, по нему можно было получить скидку при следующей покупке.

В отличие от Насти, мы в самоизоляции не торопились, шли медленно, наслаждаясь редкой возможностью на законных основаниях дышать свежим воздухом. А когда вернулись домой, обнаружили, что шоу бабки Плужниковой продолжается, антракт закончился.

Во втором отделении Светлана Петровна сменила тему на более актуальную. Теперь ей явился не старорежимный черт, а кое-кто пострашнее: врач «Скорой помощи» в защитном костюме!

– У нас больные, в наш дом проникла зараза! – кричала бабка с балкона, прекрасно исполняющего роль трибуны. – Кто болен, признавайтесь? К кому врач приходил?

Задрав головы, мы с Коляном остановились во дворе. Мечущаяся по балкону бабка на фоне освещенного окна за спиной сама походила на злобную чертовку.

– У нас среди детских карнавальных нарядов ничего медицинского нет? – на всякий случай уточнила я у супруга.

– Был костюм Айболита, но там халатик с шапочкой, и они очень маленького размера, – ответил Колян, абсолютно правильно поняв, о чем я думаю. – Это не Колюшка, наверное, действительно к кому-то врач приходил.

– Если бабка выяснит – к кому, с нее станется и квартиру поджечь, чтобы убить заразу вместе с больными, – опасливо пробормотала я.

– Петровна, харэ орать уже! – первым не выдержал Василий Чельшев. – Не было никакой «Скорой», ты бредишь! У меня шлагбаум прямо под окном, никто чужой не проезжал, и открывать не просили!

– Значит, он без машины пришел, просто так, на своих двоих! – парировала неугомонная старуха. – Сам ты бредишь, алкаш несчастный, я этого врача своими глазами видела! В защитном костюме, в маске, в очках, в перчатках, с чемоданчиком в руке!

Из дальнейшего рассказа бабки выяснилось, что видела она врача не с балкона, а совсем близко, поскольку столкнулась с ним в подъезде. Бабка шла вниз, врач – вверх, встретились они на нижнем марше лестницы на полпути между почтовыми ящиками и площадкой первого этажа, и встреча эта их так напугала, что оба, как выразилась бабка, «дико шуганулись». Врач распластался по стеночке, Петровна влипла в перила, так они и расползлись в противоположных направлениях. И бабка, страшно опасаясь заразы, настолько переволновалась, что не пронаблюдала, в какую квартиру проследовал пугающе экипированный врач. Думаю, она бы подожгла весь подъезд, если бы в нем не находилась ее собственная квартира. Лишиться единственного жилья бабуся не хотела и потому требовала, чтобы соседи сами честно признались, кто из них болен. Зная, на что способна бабка Плужникова, все осмотрительно помалкивали.

– Ну, нас-то это не касается, мы в другом подъезде живем, – сказал Колян и потянул меня к нашему крыльцу.

– Погоди, – я мягко высвободила руку и всмотрелась в чужие окна. – Элина Абрамовна, что думаете?

Я была уверена, что жизнерадостная мадам Фунтова предложит вызвать «Скорую» персонально бабуле Плужниковой, потому как ту явно уже надо было лечить, хотя и не от коронавируса. Но Элина Абрамовна не стала озвучивать очевидное, а только громко фыркнула и отошла от окна. Фигура в ослепительно-золотом халате канула вглубь комнаты, и вскоре послышалось пение: неунывающая Элина Абрамовна исполняла что-то бодрое и мною не опознанное. Зато в окошко высунулась Настя и громко, перекрикивая арию бабушки, сказала:

– Люди, делать вам нечего! – после чего со стуком закрыла окно и тоже удалилась.

– В самом деле, пошли-ка ужин готовить! – Я опомнилась и позволила супругу увлечь меня в родные пенаты.

Пока я жарила котлеты, мой телефон пищал, как голодный котенок: настойчиво, жалобно и так противно, что невозможно было не реагировать. Неугомонная бабка Плужникова без устали строчила в домашний чат.

Потом раздался звонок.

– Привет, – уныло сказала Марина Лосева. – Не знаю, что делать, хочу посоветоваться. Вот знала же, что так и будет, чтоб ее, эту Плужникову, приподняло и шлепнуло!

– Светлану Петровну этим не проймешь, ее и танком не остановишь, – хмыкнула я. – Хотя ты, как управдом, все же имеешь на нее влияние.

– Боюсь, его не хватит, – вздохнула Марина, неизменно ориентированная на худший вариант развития событий. – Хочу заручиться поддержкой общественности. Ты же меня поддержишь?

– Смотря в чем, – не стала ничего обещать я.

– Ой, да ничего такого! Совершенно обычные меры предосторожности, должна же я была позаботиться о маме и Насте!

Я промолчала, хотя могла бы много сказать о том, как невыносима бывает проявляемая Мариной забота. Как староста группы она опекала, проверяла, третировала своей удушающей заботой однокурсников, а как хранительница семейного очага установила тиранию в собственном семействе. Семен Петрович, Настя и даже Элина Абрамовна живут под тотальным контролем, шаг вправо, шаг влево – побег, расстрел на месте! Вырываться из-под гнета суперзабот-

ливой Марины дерзает только Элина Абрамовна, но она так не любит скандалов и некрасивых сцен, что смирят свою свободолюбивую натуру ради мира и лада в семье.

– Так что ты сделала? – спросила я, хотя, кажется, уже догадалась.

– Я заказала в частной клинике услугу «Домашний доктор». Для мамы, ей же семьдесят два, она в группе риска, а я не рядом и не могу сама приглядывать за состоянием ее здоровья!

– И этот доктор приходит к Элине Абрамовне домой... чтобы что?

– Да все! Берет анализы, измеряет температуру, давление, сахар, осматривает, расспрашивает – каждые три дня, как штык! Я получаю все результаты анализов и полный отчет на электронную почту, очень удобно, могу быть спокойна, а то ты ведь знаешь мою маму, она никогда не признается, что у нее что-то болит, у нее все всегда прекрасно, – Марина фыркнула. – Ага, прекрасно! А у самой, оказывается, сахар повышенный, так и до диабета недалеко.

– Стой, погоди! Если у вас все здоровы, зачем этот врач приходит в полной защите?

– Здрасьте! Ну, ты даешь! – судя по звуку, Марина всплеснула руками и что-то задела – в трубке бумкнуло. – Медики же сейчас и сами заболевают чаще других, и разносят заразу будь здоров! Я в договоре специально прописала: строго в защитном костюме, никаких вариантов! Пришлось дополнительно заплатить, но что такое деньги, когда речь идет о здоровье и даже жизни...

– Тебе придется все это объяснить бабке Плужниковой, – решила я. – Она, небось, уже строчит жалобы во все инстанции, вот напишет, что у нас в доме скрываются коронавирусные больные – и весь подъезд вместе с бабкой запрут в какой-нибудь клинике. Оттуда тебе уже никаких результатов анализов не пришлют...

– Да, ты права. Я напишу всем в чате, а потом отдельно позвоню Плужниковой и попробую с ней договориться, чтобы она не истерила.

Позже, уже после ужина, мы наблюдали продолжение истории. Марина действительно написала в наш чат, объяснила появление доктора в защитном костюме и попросила у соседей извинения за беспокойство. Ее никто (кроме бабки Плужниковой, конечно) не упрекал, потому как все понимали суть опасений нашего управдома. Во-первых, Марина беспокоилась за оставшихся без ее пригляда родных, во-вторых, боялась, что бабка Плужникова на ровном месте поднимет панику, что, собственно, и случилось. Даже после полученного объяснения старуха не уgomонилась и продолжала гневно строчить в общий чат: «Они больные», «Они там чихают», «Я слышу, их тошнит» и тому подобное. После десятого или двадцатого сообщения от бабки («надо еще разобраться, какой он врач, зараза китайская») администратор сообщества наконец решительно проредил наши ряды.

– Ура, бабка Плужникова нас покинула – увы, пока только в чате, – прокомментировал Колян, лениво следивший за происходящим без отрыва от просмотра кинофильма на компе. Там добрые люди сражались со злым инопланетным монстром. Монстр кошмарными замашками и поразительной живучестью очень напоминал старушку Плужникову. Смотреть такое кино мне не хотелось, хотя я и понимала, что в конце баб... то есть монстра обязательно победят.

Я ушла со своим макбуком на кухню, села за рукопись, но мне никак не работалось. Кусочки несложившегося паззла забились в извилины и не давали переключиться на сюжет романа. Почему бабка сказала «зараза китайская»? Она имела в виду коронавирус? Почему врач приходит пешком, а не приезжает на служебной машине? И как так вышло, что он ходит к Элине Абрамовне уже три недели, а его до сих пор никто не видел? Ладно, в подъездах нынче пусто, но во дворе человека в приметном защитном костюме кто-то должен был заметить...

Я оставила попытки поработать над новым романом, заглянула в гостиную и спросила Коляна:

– Кыся, ты как насчет небольшой романтической прогулки?

– Куда? – заинтересовался супруг. – Мусор уже выброшен, в магазин мы сходили, собаки у нас нет... В аптеку?

– Нет, это нечто необычное. Я предлагаю тебе спуститься во двор, посидеть в машине и посмотреть запись с регистратора.

– Будет как бы автокинотеатр, да? – Колян охотно отложил финальное растерзание монстра и пошел со мной во двор.

Мы сели в машину и посмотрели, что сегодня записал наш автомобильный регистратор. Меня интересовало то, что происходило во дворе после нашего возвращения от Максимовых.

Колян удачно припарковался: в кадре были сразу два подъезда, наш и соседний – третий. В наш после шестнадцати ноль-ноль заходили мы трое и дама с собачкой – соседка с первого этажа. Потом вышел наш сын с пакетом мусора. Потом он же, как мы теперь знали, но без пакета и в плаще из пледа, вошел в соседний подъезд. Потом из третьего подъезда вышла Настя, а из нашего – мы с Коляном. Минут через десять в наш подъезд вошел невысокий мужчина в куртке с поднятым воротником и низко надвинутой бейсболке.

– Это кто? Ты узнаешь его? – спросила я мужа, остановив запись.

– По спине? Ты переоцениваешь мою наблюдательность.

Я отжала кнопку паузы, и тип в бейсболке вошел в наш подъезд. Потом вернулась Настя, поднялась на свое крыльцо. А через пару минут, пошатываясь, как пьяная, и держась за сердце, из подъезда вывалилась бабка Плужникова. Шла она боком, глядя назад – явно только что пережила встречу с доктором в защитном костюме.

– Не понял! – Колян вернул видео назад, повторил последние минуты записи. – Кроме Насти, в подъезд никто не входил. Так с кем же встретила бабка?

– Давай досмотрим запись, – попросила я, и мы еще раз полюбовались на самих себя, вернувшихся из магазина.

Потом в соседний подъезд вошел кот – и все, больше никакого движения регистратор не увидел.

– Очень, очень интересное кино, – неискренне сказал Колян и завозился, явно желая уже покинуть наш автокинотеатр. – А давай...

– Тихо! – Я увидела, что из нашего подъезда кто-то вышел. Невысокий мужчина в бейсболке! – Заводи машину, давай за ним!

– За кем?

Я кивнула на незнакомца.

– Зачем?

– Надо! Поезжай и постарайся проехать мимо него так, чтобы я могла его рассмотреть.

Мы поехали.

– Чего там смотреть, нечего там смотреть, малорослик какой-то, хоббит в кепке, – ворчал Колян, недовольный тем, что я проявляю подозрительный интерес к какому-то постороннему мужику.

Держась впритык к тротуару, мы сопровождали незнакомца до перекрестка, там он дождался зеленого сигнала и перешел на другую сторону улицы, а мы объехали квартал и вернулись домой.

– Ну, и кто это? – припарковав машину, спросил меня строгий муж.

– Понятия не имею! – честно ответила я. – Но ты прав, он малорослик, и глаза у него узковаты для наших широт.

– И что? – строгий муж прищурился и тоже стал узкоглазым.

Я хихикнула:

– Еще не знаю. Мне надо подумать.

Мы вернулись домой. В прихожей нас встретил строгий сын. Сузив глаза (я заржала), он спросил с нескрываемым подозрением:

– А где это вы были, а?

– Нет, это ты мне скажи, – я подавила неуместный смех, – как так получилось, что ты в роли черта в третий подъезд вошел, а из него не вышел? Но при этом оказался дома!

– Телепортировался? – с надеждой подсказал Колян.

Телепортация – его заветная мечта. Он спит и видит, чтобы мы научились путешествовать без виз и авиабилетов.

– А вы не поняли? – расплылся в довольной улыбке сын. – На то и был расчет, что никто не поймет и меня не вычислит. Забыли про подвал, да?

– Подвал! – я шлепнула себя по лбу. – Гениально!

– А то! – расправил плечи сынище.

– Весь в меня! – сказал его гордый отец.

Я могла бы с этим поспорить, да некогда было. Мне срочно требовалось наведаться в наш подвал.

Наш дом, как я уже говорила, старый, «сталинский», и подвал у нас капитальный. Он строился как бомбоубежище, но с годами превратился в мирное хранилище того-сего, причем, каждой квартире в подвале соответствует своя кладовочка. Особенность нашего экс-бомбоубежища в том, что он сквозное, то есть, все четыре подъезда ведут в одно большое подвальное помещение, протянувшееся под всем домом. Вообще-то на подвальных дверях есть замки, но в период карантина их никто не закрывает, так что, например, из нашего подъезда можно попасть в соседний не через двор, а через подвал. Что и сделал наш изобретательный сын...

И не только он!

– Я иду первой, а то вы всё тут затопчете! – объявила я мужу и сыну, топающим вслед за мной с азартным сопением. Подсветила себе фонариком в смартфоне и высмотрела отчетливую тропинку на пыльном полу. Приглядываясь, нашла в ряду кладовок ту, на пороге которой изрядно потоптались. Посмотрела на номер. – Кто в восемнадцатой живет? – спросила я и сама же себе ответила: – Лосевы! Что и требовалось доказать...

– Я по-прежнему ничего не понимаю, – сказал Колян.

– Я тоже, но мне очень интересно, – добавил сын.

– Сегодня уже упоминалась пластмассовая линейка, – сказала я, обернувшись к ним. – Случайно, никто ее с собой не захватил?

– Зачем ей линейка?

– Наверное, будет производить измерения?

– Действительно, зачем мне линейка, – спохватилась я. – У меня же есть пластиковые карточки!

Направляясь в подвал, я надела уличную куртку, а там в кармане лежал кошелек. Я извлекла из него первую попавшуюся банковскую карточку, сунула ее в щель между дверью и косяком, подвела к язычку простого английского замка и отжала его. Дверь открылась и даже не скрипнула.

– Родная, ты не перестаешь меня удивлять, – после короткой паузы задушевно сказал Колян. – Но что...

– Подожди.

Я заглянула в темную кладовку. Секунду подумала, нашарила у косяка выключатель и щелкнула им. Голая грушевидная лампочка на длинном шнуре безжалостно высветила невероятно захламленное помещение, заполненное старой мебелью, коробками, свертками и прочим пыльным барахлом. Свободен от хлама был только маленький пятачок, метр на метр, не больше, у самого входа. На вбитых в стену гвоздях рядом висели полиэтиленовый комбинезон, прозрачная полумаска и респиратор. На полу лежали пластиковые коробочки, похожие на угловатые синие яйца.

– Бахилы, – наклонившись и подобрав одно «яйцо», определила я. – Ну что... Следствию все ясно. Уходим.

– А что, что ясно следствию? – не удержался от вопроса сынище, но я пока не готова была рассказывать, а муж просто не знал ответа.

Закрыв чужую кладовку, мы вернулись к себе, и там я немного побегала из угла в угол, потому что мне лучше думается на ходу. Домашние не мешали – знали, что в таком состоянии меня лучше не трогать.

Собрав паззл, я вышла на балкон и позвонила Насте Лосевой.

– Да? – опасливо отозвалась соседка. Голос у нее был усталый и сильно контрастировал с мажорными звуками пения на заднем плане.

– Выключи бабушку и выйди на балкон, – попросила я.

И у нас, и у Лосевых балкон на внешнюю сторону дома – не в тихий двор, а на старую липовую аллею. Чудесный вид, свежий воздух, а скоро еще липы зацветут, будет головокружительный аромат...

– Ну, что? – Настя вышла на балкон и встала рядом. Нас разделяло метра полтора – как раз предписанная социальная дистанция. – Ты догадалась, да? – девчонка закурила.

– Брось сигарету! И чтобы больше никакого курева!

– Да я это так, чтобы руки занять, – Настя затушила сигарету о поручень и бросила ее вниз. – Я же не идиотка.

– Ты умная, – согласилась я. – Но скажи, с Элиной Абрамовной все в порядке? Где она, как?

– Да лучше всех! У Григория Артемовича частный дом, свой двор, сад, огород, даже курочки есть, бабуля в полном восторге!

– Григорий Артемович, значит, – повторила я. – Хороший дед?

– Бабуле нравится, – пожал плечами девушка. – Бывший военный, вдовец, живет один... жил. Они с бабулей на танцульках познакомились, с полгода встречались, но тайно, а тут карантин их как бы подстегнул...

– А мать твоя не знает?

– И слава богу! Вот крику-то будет, когда узнает...

– А врач, значит, в курсе смены адреса и навещает Элину Абрамовну по другому адресу?

– Как ты догадалась? – покосилась на меня Настя. – Я ж и халат надевала, и песни включала... Бабуля мне целый концерт записала, хоть диск выпускай!

– Я видела твой чек из магазина, – объяснила я. – В нем нет продуктов, привычных для пожилого человека. Ни молока, ни кефира, ни яиц, ни даже хлеба, а ведь Элина Абрамовна каждое утро ходила за свежим «кирпичиком»... А ты вообще какую-нибудь нормальную еду ешь или только полуфабрикатами питаешься? – Я вытянула из кармана чек и прочитала с листа: – Наггетсы, пельмени, рыбные палочки, апельсиновый джем, маринованные корнишоны, шоколад, морская капуста, крабовые палочки, вишневый компот и пиво. Пиво! Ты в своем уме?

– Это не мне.

– Уж обошлись бы как-нибудь без алкоголя.

– Блин! – Настя досадливо всплеснула руками и беспомощно посмотрела на меня. – Ну а об этом-то как ты догадалась?!

– Так доктор подсказал, – я посмотрела на озадаченную девчонку и засмеялась. – Насть, ну, если настоящий врач приходит по другому адресу, значит, к тебе является ненастоящий, правильно? Он просто маскируется, чтобы никто ничего не понял. Заходит в наш подъезд, спускается в подвал, там упаковывается в спецнаряжение и уже неузнаваемый поднимается к тебе. Отличный план, должна сказать, прекрасно придумано. Бабуля знает?

– У нас с ней друг от друга тайн нет.

– Совсем нет? И про беременность ты ей сказала?

– Бли-и-ин!!! – девчонка аж взвыла. – А это ты как?!

– Тебе еще раз прочитать набор продуктов в чеке? Там сладкое и соленое вперемежку, кошмарное сочетание. Плюс бабка Плужникова написала в чате, что у вас кого-то тошнит.

– А я ведь стерла это ее сообщение, – нахмурилась Настя. – Надеюсь, маман не успела его прочитать.

– Наш домовый чат создавала ты, а не Марина? – догадалась я.

– Конечно, я, мама в новых технологиях не рубит.

– Тогда последний вопрос: ты зачем удалила мой стишок про карантин?

– И ты еще спрашиваешь? – соседка искренне удивилась. – Ты вообще помнишь, что написала?

– Эм-м-м... Карантин, удивительный мир, где перемешан Париж и Памир. Если ты с нами всю ночь чего-то там, снова приедешь на наш карантин, как-то так, – припомнила я. – И что?

– Что? Я подумала, ты намекаешь, что в курсе всего! Мама с папой как раз приехали из Парижа, Памир – это в Таджикистане, а мой Эльшан как раз таджик, и мы с ним тут всю ночь, в карантине... Я решила: ты даешь мне понять, будто все поняла, и испугалась, что это прочтает мама!

– Можешь не верить, но это был просто экспромт, абсолютно случайный!

Мы немного помолчали. Потом я спросила:

– Срок какой?

– Четыре недели.

– То есть, это вы еще до карантина успели. А родителям, стало быть, не сказали...

– После карантина скажем, – шмыгнула носом девчонка.

– Ну да, тогда уже маме точно сдать придется, других вариантов не останется... Котлеты будешь? Я котлет нажарила, еще теплые. И пюре.

Тихо-тихо шуршали, разворачиваясь, нежные листья. Чирикала какая-то птичка, сладострастно басили на клумбе коты – дрались, катались в лопухах, хрустели ландышевыми листьями. По дороге, уже скрытой рядами зазеленевших лип, редко-редко проезжал одинокий автомобиль. Карантин – очень странное время, город сам на себя не похож... Я стояла на балконе, дыша свежим воздухом и слушая, как чавкает котлетами соседская девчонка. На земле был мир, в человеках благоволение.

Уже перед сном я позвонила Ирке и сказала:

– Эй, я разобралась. Ты не поверишь, но твой стишок оказался лучшим. Он просто гениален!

– Серьезно? А почему? Ты же критиковала...

– Я потом тебе объясню, почему. После карантина, – пообещала я, улыбаясь.

– Ой, это когда еще будет! После карантина! Я, может, до этого и не доживу... Мы, может, все не доживем – полстраны у нас вымрет в этом карантине, – заворчала подруга.

– Не беспокойся, народу меньше не станет. Даже прибавится, вот увидишь! Все, спи давай, спокойной ночи, – я положила трубку.

Переживем мы карантин.

Дарья Калинина

Танцы маленьких лягушат

Ника стояла на балконе второго этажа и напряженно смотрела вдаль. Там за густым темным лесом скрывался дом ее бабушки. Ее родной и любимой бабули, до которой Ника не могла добраться вот уже третий месяц. Не видеть старушку было мучительно. Конечно, они разговаривали по телефону. Бабуля даже освоила скайп, что в ее возрасте было равносильно подвигу. Но она его совершила ради своей внучки, чтобы быть к ней хоть немного ближе. А вот Ника ничего равнозначного этому ради своей бабули до сих пор не сделала, и это девушку изрядно напрягало.

И, спускаясь по лестнице, Ника несколько раз тяжело вздохнула. Словно почувствовав настроение хозяйки, к ней подбежала их алабайка – добрейшее существо, невзирая на свой страхолюдный вид. Зита, прозванная так за любвеобильный нрав, была звездой на собачьем небосклоне. Все окрестные кобельки, даром что самый крупный из них был Зите по колено, являлись ее страстными поклонниками.

Почесывая лобастую голову Зиты, девушка снова погрузилась в свои мысли. Кроме оставленной в городе на произвол судьбы бабушки Нику тревожило еще и странное молчание Конфетки – ее лучшей и самой близкой подруги, которая пропала из эфира уже больше недели назад. Такого никогда раньше не случалось, а тут вдруг как отрезало. Перед тем как погрузиться в молчанку, Конфетка что-то рассказывала о том, как ее достало сидеть в самоизоляции в душной городской квартире. В каждом ее сообщении сквозила одна и та же мысль: как это ужасно – сидеть в четырех стенах, когда за окнами подходит к концу апрель, на деревьях всюду поют птички, в полях распускаются цветы и в небе ярко светит солнышко.

– Ну, подожди чуть-чуть, – твердила Ника. – Это же для твоего собственного блага и для всех окружающих тебя людей.

Но Конфетка не желала слушать увещаний.

– Ты меня не понимаешь и никогда не поймешь! Сытый голодного не разумеет. Тебе не понять, каково это сидеть безвылазно целыми днями в четырех стенах!

– Я тоже дома.

– Тебе-то хорошо, у вас собственный дом, при нем есть садик. В любое время ты можешь выйти на свежий воздух, заняться чем-нибудь. А я тут скоро взвою! Мама уже перемыла у себя в квартире все по три раза и меня заставила. Если пойдем на четвертый круг, я не выдержу! Клянусь, я сделаю что-нибудь такое, о чем потом пожалею. Но я просто чувствую, что схожу с ума взаперти!

Ника от души сочувствовала подруге. Она с радостью пригласила бы Конфетку в гости, и бабушку бы привезла к себе, и еще много кого, но увы! Несмотря на близкое расстояние до Конфетки и бабушки, обе они были недостижимы, словно жили в другом мире. А ведь это всего лишь соседняя область! Так уж получилось, что поселок Ники находился на территории одной области, а городок, где жила бабушка, – другой. Несколько километров, которые разделяли эти два населенных пункта, в обычное время проблемой не являлись, они преодолевались за считанные минуты. Но сейчас на всех дорогах были выставлены блок-посты, которые тормозили проезжающие машины. А строгие карантинные правила запрещали Нике отходить от своего дома дальше чем на сто метров или до ближайшего магазина. О том, чтобы переправиться в соседнюю область, даже речи не шло.

Вот и получалось, что до бабушки рукой подать, но добраться к ней Ника не могла. Дороги были перекрыты. Транспорт не ходил. И даже для поездки на такси нужно было предъявить пропуск, а такой Нике никто не хотел дать.

– Заразу к нам потом привезти хотите? У нас эпидемиологическая ситуация на грани, а в соседней области и вовсе шквал заболевших. К тому же ваша бабушка в зоне особого риска. Она на карантине по контакту с заболевшим.

Да, бабушка была изолирована. А все из-за соседки, которую угораздило заболеть этим противным вирусом. И все, с кем она контактировала, были властями вычислены и помещены на принудительный карантин. Это была уже не та легкая самоизоляция, в которой находилась Ника с родителями, а настоящий карантин, хорошо еще, что в своей квартире. И все-таки бабушка, как ни бодрилась, раз от раза выглядела все более печальной. А сегодня, когда Ника поговорила со старушкой, она нашла ее и вовсе подавленной и какой-то опустошенной.

– Сердце побаливает. Давление все время высокое. Таблетки уже не помогают. А сегодня еще праздник, Вербное Воскресенье. Помнишь, как в прошлом году мы с тобой вербу носили в церковь святить?

– Помню. Как же хорошо тогда было! А я, глупая, этого и не понимала.

Разговор с бабулей окончательно расстроил Нику. Для девушки эти веточки вербы были просто веточками, но для бабушки они означали куда больше. И внезапно Ника приняла решение. Она отнесет бабуле эту вербу. У них-то церковь открыта, и вербу освящают. Мама с утра сходила, получила от батюшки свои несколько веточек. Она сходит к бабушке! Своими ногами! Пешком!

И когда Ника об этом подумала, все вдруг стало легко и просто. Да, по шоссе ей не пройти, но ведь есть еще дорога через лес, на которой нет никаких постов. Ею Ника и воспользуется! И никому ее будет не удержать!

– Куда это ты потащила вербу? – спросила мама.

– И верба, и сдобное печенье с шоколадом, и твой домашний пирог с яблоками – все они сегодня отправятся к бабушке. И еще красная рыбка, которую папа закоптил. И грибочки! Бабушка любит грузди, а у нас как раз целая баночка осталась.

– Не поняла. И кто эти деликатесы бабушке отвезет?

– Я! Только не отвезу, а отнесу. Пешком.

– С ума сошла! – ахнула мама. – Пешком по шоссе целых три километра! И посты! Тебя там все равно завернут.

– Не завернут. И что такое три километра? Погода прекрасная. Маску я одену. Перчатки тоже. Пройду, я уверена!

Мама еще поворчала, что это глупость, Нику все равно никто не пропустит, но потом ей кто-то позвонил по поводу рассады, и мама отвлеклась. Эта тема была для нее животрепещущей. Пришло время, когда рассаду надо было высаживать в грунт и парники, но ее ни у кого из знакомых в нужном количестве не имелось. Все как-то прохлопали этот важный момент ушами. Люди привыкли, что за рассадой можно смотаться на ближайший рынок или прикупить ее на уличных развалах. Но сейчас повсюду был карантин, а рассада почему-то не попала в список первоочередных нужд для населения. Наверное, потому что ее нельзя было сразу съесть.

У мамы рассада была, но мало, ей и самой не хватало. А еще со всех сторон неслись жалобы – у кого-то помидоры плохо взошли, у кого-то клещ поразил нежную рассаду перца, у кого-то баклажаны заболели и пожелтели, для посадки такая рассада уже непригодна, хорошего урожая ждать с нее не приходится. Вот мама и пыталась оказать моральную помощь всем, кому могла. Увлечшись разговором на тему того, как нужно отпаивать пересушенную рассаду хризантем, мама ушла в дом.

Нике удалось выскользнуть из дома совершенно спокойно, мама даже не заметила отсутствия дочери. Она считала стаканчики с геранью и петуньей, которыми готова была поделиться в обмен на капусту белокочанную и брокколи, и думать не думала о том, что самый главный цветочек ее жизни куда-то взял и самовольно утопал, опустошив перед этим холодильник. К

шоссе Ника даже не пошла, сразу же бросилась бежать в сторону леса. Несколько минут, и вот она уже под пологом деревьев.

Деньки стояли теплые, и жизнь в лесу вовсю пробуждалась. В зелени звенели птичьи трели. В заводях кричали утки. Где-то высоко над головой гоготали пролетающие дальше на север баловники-гуси. На руку Нике села невесть откуда взявшаяся бабочка, а чуть в стороне жужжал шмель. Лес оживал просто на глазах. Полная сумка изрядно оттягивала Нике руку, но девушка не замечала тяжести, она легко бежала по узкой дорожке. И вдруг...

– Стой! Кто идет?

Ника застыла, словно вкопанная. Как же ей стало страшно! И еще страшней, когда к ней из-за деревьев вышли двое мужчин. В руках у них были ружья. Самое время доставать папин травмат, который она стянула из ящика перед выходом из дома. Но что-то остановило Нику. Против двух вооруженных мужчин травмат не поможет – пока она будет палить в одного, другой ее мигом скрутит. И, кроме того, мужчины были в возрасте, выглядели миролюбиво, а возле ног одного из них крутилась небольшая, белая с черными висячими ушками, собачка. Именно эта собачка окончательно убедила Нику, что ей ничего не грозит. Эти двое просто охотники! Пришли в лес, чтобы немножко погонять зайчиков и уток.

– Куда это вы, девушка, собрались? Уж не в соседнюю ли область направляетесь? А ведь там карантин. Нарушаете!

Ника снова испугалась, но уже по другому поводу. Вдруг она чего-то не так поняла и это какой-нибудь добровольный народный патруль? Ловят в лесу таких вот, как она, нарушителей. Но тут же Ника спохватилась. Минуточку! Да ведь охота тоже закрыта! И рыбалка! И все выезды на шашлыки на природу! Все это нынче под запретом.

И она звонко рассмеялась:

– А сами-то! Нарушаете!

Мужчины улыбались. Не так уж им нужна была добыча, сколько хотелось просто размять ноги, проветриться, походить по лесу. И Ника их прекрасно понимала. Какая может быть опасность в этом весеннем лесу, напоенном сладкими ароматами пробуждающейся природы. Даже в том маленьком магазине, где они с мамой регулярно отоваривались продуктами, риск заражения был во много раз выше. А тут, в лесу, когда на расстоянии многих километров не наблюдалось ни одного вирусоносителя, какая может быть опасность! Да, они трое столкнулись, но это скорей исключение, чем правило.

Охотники явно никуда не торопились. Оба они закурили и разговорились с Никой. Они тоже пришли сюда из бабушкиного городка. Оказалось, что у них даже есть общие знакомые, что еще сильнее сблизило всех троих. Охотники даже проводили Нику, заверив, что им это только в радость. Но все же Нике показалось, что у них был какой-то свой повод, чтобы так поступить. За время пути охотники несколько раз просили Нику позвонить им, когда она надумает отправиться в обратный путь.

– Только не позднее шести вечера. У нас в городе со вчерашнего дня введен комендантский час.

Комендантский час – это причина уважительная. Но все-таки Нике казалось, что охотники чего-то недоговаривают и за их настойчивыми предложениями проводить Нику через лес обратно стоит что-то еще, кроме банального желания услужить красивой девушке.

Конечно, бабушка потеряла дар речи, обнаружив на пороге свою дорогую и единственную внучку. Она долго терла глаза и растерянно бормотала:

– Но как?.. Откуда?

– Не волнуйся, бабуленька, у меня всё под контролем!

– А родители... родители знают?

– Мама в курсе. Наверное, уже и отец тоже.

– Странно, они мне не звонили. Надо же... ничего не сказали, не предупредили, разве так можно? Я бы тебе приготовила чего-нибудь вкусенького.

– Бабуля, я и сама не знала, удастся ли мне до тебя добраться. Не хотела понапрасну волновать, потому и не позвонила.

За разговорами Ника разобрала все гостинчики. Нашлось место и для пирожков с капустой и грибами, и для соленых груздочков, и для копченой рыбки, до которой бабушка тоже была большая охотница. А пирог с яблоками было решено оставить на десерт.

– Картошечки отварим, настоящим пир у нас с тобой будет!

Пока бабуля сутилась на кухне, Ника отправилась к Конфетке, благо жила подружка в этом же подъезде всего лишь этажом выше. Но Конфетки дома не оказалось. Сколько ни звонила Ника, дверь ей никто не открыл. А соседи на звонки Ники лишь отделялись общими фразами – никто из них не знал, куда подевалась девушка Наташа, получившая за свой соблазнительный облик прозвище Конфетка.

– Бабуля, а ты не знаешь, куда Наташка исчезла?

– Ой, не знаю. Сама удивляюсь, где это она валандается. Уже почти неделю ее не вижу. Раньше она всякий день ко мне заглядывала. Пожилым-то из дома нельзя выходить, вот Наташка сама в магазин идет и мне молока или там хлебushка свеженького принесет. А вот уже неделю не появляется.

– Но как же так? Просто взяла и исчезла? А если с ней что-нибудь случилось? Вдруг она заболела, лежит у себя дома, пальцем пошевелить не может?

– Нету ее дома, я к ней ходила.

– Ты?

– А чего не сходить? Чай, Наташка не чужая нам. Сколько лет вы с ней дружите. Тревожно мне что-то за нее стало. Дай, думаю, загляну к ней домой. Поднялась, всю квартиру осмотрела, пусто. Ни Наташки твоей, ни записки, ничего. И мать ее не в курсе, куда дочь подевалась. Прибегала, спрашивала, да что мы ей можем сказать, коли она, мать, и не знает.

– Значит, у тебя есть ключи от квартиры?

– А как же! Наташка твоя та еще стрекоза, усвистит и привет. А после того случая, как у нее трубу прорвало и целых три квартиры затопило, она у меня запасные ключи держит.

– Дай мне их!

– Бери! Вон, на гвоздике висят.

Взяв ключи, Ника снова поднялась вверх. У нее было весьма смутное представление, что она хочет найти в квартире подруги. Ясно, что Конфетка куда-то снова умотала. Водилась за ней такая черта, не сиделось ей на одном месте ровно. Все хотелось приключений и путешествий.

Квартирка была однокомнатной, но одинокой девушке больше и не нужно. Работала Конфетка в турагентстве, которое после введения карантина отправило всех своих сотрудников в отпуск за свой счет. Да, такое вот дружное желание появилось у сотрудников. Ну, а отпуск за свой счет, он не зря так называется. Отпускные Конфетка не получила, что еще сильнее возмущало ее против строгостей карантина.

– Нет, я согласна сидеть дома, но не задаром же! Мне же нужно что-то есть, пить, чем-то платить за свет и Интернет! А в потемках, голодная и без доступа в соцсети – нет, на такое я не подписывалась!

Конечно, Конфетка слегка лукавила. Имелась у нее закладка, и немаленькая. Но тратить ее на такие скучные вещи, как еда и оплата коммунальных платежей, Конфетке совсем не хотелось.

Обойдя квартиру подруги, Ника поняла лишь одно. Конфетка куда-то уехала, и сборы происходили в большой спешке. Часть вещей так и валялась раскиданная по кровати, словно бы Конфетка примеряла и отбрасывала то, что ей не приглянулось. Сильней всего озадачил

Нику набор купальников. Где Конфетка собиралась загорать в это время года? Купальников осталось четыре, а должно было – пять. Отсутствовал голубой с огромными красными маками, это был самый любимый купальник Конфетки, она в нем нравилась самой себе просто безумно.

– И куда она умотала в этот раз? Неужели на море? То, что карантин ей не помеха, это понятно. Но не одна же... Неужели все-таки появился мужчина?

На это указывало несколько наборов кружевного нижнего белья, также разбросанных по кровати. И сердце у Ники тревожно заныло. Не похоже это на Конфетку: завести себе поклонника и не похвастаться им перед подругой.

– Не может быть! Конфетка тепло, каких еще поискать! Кто-нибудь должен знать, что у нее за хахаль выискался!

Недолго думая, Ника включила стоящий в углу компьютер. Был он современным, работал быстро. Ника рассчитывала, что какие-нибудь следы бурной личной жизни Конфетки она сумеет в нем найти, и не просчиталась. Ей запросто удалось зайти на личные странички Конфетки, благо компьютер помнил пароль и доверчиво воспринял Нику за свою хозяйку. Но дальше дело пошло трудней. Все странички были переполнены сообщениями от встревоженных и недоумевающих кавалеров и просто знакомых, которые пытались понять, куда запропастилась их обожаемая Конфетка. Имелись тут сообщения и от самой Ники. А вот объяснений на тему, куда она подевалась, не было.

– Так я слишком поздно смотрю, – сообразила Ника. – Ну-ка! Поищем пораньше. Если этот тип увез куда-то нашу Конфетку, то он должен был появиться как минимум недели полторы-две назад.

Ника отмотала ленту сообщений назад и обнаружила, что такой человек есть. Конфетка переписывалась с ним чаще, чем с другими. И он прислал ей приглашение провести остаток карантина у него в частном загородном доме с солярием, бассейном и прочими приятными спа-штучками.

– Вот где она собралась в купальнике щеголять! У этого Жени в гостях маками своими посверкать захотела!

На сердце у Ники сделалось совсем тревожно. Богатые кавалеры, имеющие собственный загородный дом с бассейном, встречаются не так уж часто. А тут вдруг свалился. Он свалился, а Конфетка исчезла. Звали кавалера Женей, но как бы его ни звали, Ника заранее была настроена против него. Да и физиономия хахаля тоже не внушала ей никакого доверия. К тому же у нее было твердое ощущение, что она где-то его уже видела.

Скинув фотку, она прогнала ее через гугл-редактор, который тут же выдал ей копию фотографии, которая имела в Сети. Вот только принадлежала она когда-то довольно известному актеру американского кино, а никак не Жене. Ника долго всматривалась в его изображение, сравнивала его с фотографией актера и понимала, что это не просто один и тот же человек, но и одна и та же фотография, сделанная еще в начале двухтысячных, незадолго до кончины актера от передозировки наркотиков.

– Вот же дуреха! Неужели трудно было догадаться и проверить, что за фотку этот Женя ей вместо своей прислал!

Нет, похоже, что спа, солярий и бассейн совершенно выключили чувство самосохранения у заскучавшей в изоляции Конфетки. Вернувшись к бабушке, Ника доложила о результатах своего расследования.

– Она сейчас у него! Умотала загорать в солярии и купаться в бассейне. Узнаю свою Конфетку.

Ника думала, что этим все и закончится, но бабушка неожиданно побледнела и ахнула:

– Маньяк! И Наташка сейчас у него в руках! Беги в полицию, внученька!

– Да что ты, бабуля. Просто какой-то придурок. У Конфетки на таких особое чутье.

– Ох, Никочка, не хотела я тебя пугать, а только поговаривают, что появился у нас в городе маньяк. Как карантин начался, так он и появился. Девушки стали исчезать, одна за другой. И все молодые да красивые. С начала карантина то ли пять, то ли шесть девчонок похитили. Может, уже и больше, кто их знает.

– Ты хочешь сказать, что Наташку похитил маньяк?

Бабушка усиленно закивала.

– Беги в полицию! Скорей!

В полицию Ника прибежала, но слушать ее лепет про исчезнувшую, а может быть, и похищенную подругу не стали. А для начала Нике сделали замечание, почему она явилась без маски и перчаток. Попытки объяснить, что обе вещи были забыты впопыхах дома, действия не возымели.

– Мы обязаны выписать вам штраф за нахождение в общественных местах без подобающей экипировки! Давайте ваши документы.

Благоразумие удержало Нику от этого шага. Если в полиции обнаружат, что и штамп о прописке у нее относится к соседней области, то сразу привет всем ее планам! Посадят Нику в тюрьму или как минимум в карантин, что тоже не сильно от тюрьмы отличается. В общем, из полиции Ника удрала. Да, да, улучила момент, когда дежурный закончит читать ей нотацию на тему того, как опасно шататься по городу, когда вокруг разгулялся вирус, да и без вируса девушки то и дело пропадают, и удрала. Дождалась, пока тот займется кем-то другим, и попросту улизнула через дверь.

Какое-то время она бежала без оглядки, потом остановилась, чтобы немного перевести дух. Что же ей делать? Одно было ясно: доблестная полиция ей в данный момент не помощник. У полицейских полно других дел, им не до пропавших девушек. Вот если бы Конфетка нарушила карантинные правила, тогда запросто.

– А что, это идея, – пробормотала Ника. – Может, написать заявление, что Конфетка самовольно удрала в другую область? Попрошу кого-нибудь из соседей или даже саму бабушку, чтобы подтвердили. Но в полиции обязательно спросят, где конкретно находится сейчас Конфетка. И что мы им в ответ скажем? Кабы знали, сами бы поехали да проверили, что там с ней происходит.

Ведь могло быть и такое, что вся эта суета и беготня совершенно излишни. Вполне возможно, что Конфетка сейчас вовсю наслаждается в обществе своего кавалера и его спа-салона. Когда человеку очень хорошо, он даже меньше склонен к общению, чем когда ему очень плохо. И все-таки на сердце у Ники было тяжело.

Она медленно плелась назад к бабушке, как вдруг услышала:

– Ничка! Привет!

Голос был смутно знаком. А потом Нику обхватило что-то большое, теплое и очень дружественное.

– Ничка! Какими судьбами? А я думала, что ты из карантина и носа высунуть не посмеешь!

Нике удалось выпутаться от объятий, и она обнаружила, что перед ней стоит и улыбается во весь рот Кристина, с которой они когда-то учились в одном классе.

– А как там Натаха? – все так же широко улыбаясь, спросила у нее она.

– Не знаю.

Круглое и простодушное лицо Кристины исказилось от изумления.

– Не знаешь? – переспросила она. – Как – не знаешь? Она же к тебе поехала.

Теперь наступил черед Ники удивляться.

– Как это – ко мне?

– Ну, не конкретно к тебе, но где-то рядом. Повезло Натахе, отхватила она себе пощика! И при бабле! Да щедрый! И дом у него где-то неподалеку от твоей дыры.

Нике стало обидно, и она не удержалась от ехидного замечания:

– Что же такой важный господин в какой-то дыре забыл?

Но Кристина не растерялась и не смутилась, сроду за ней таких качеств не водилось.

– Так это там дыра дырой, где ты живешь, а у него дом в фешенебельном поселке.

– Нету у нас фешенебельных поселков в округе, – сердито произнесла Ника. – Верно ты заметила, дыра дырой. А ты, выходит, знаешь, с кем Наташка укатила?

– Ну еще бы! Это ведь мой пощик был! Это я его себе приглядела! А Наташка вмешалась и у меня его увела. Другая бы на моем месте ей все патлы повыдергала, а я – нет, я не такая. Пусть живут и будут счастливы.

– Погоди, объясни подробнее. Где ты его себе приглядела? И кто он такой?

– А, пожалуйста! Мне для подруг ничего не жалко. Если хочешь, мы и тебе кого-нибудь подберем. Пошли ко мне, я тебе все объясню.

Идти было недолго. Жила Кристина одна, хотя кое-где валялись мужские вещи.

– Это брата.

Да, конечно, брата... Ага, сейчас!

Но Нике было не до сожителя Кристины, ее куда больше интересовал нынешний ухажер Конфетки. И очень скоро Ника была полностью в курсе дела. Оказывается, с установлением прочных карантинных ограничений буйным цветом пробилились и расцвели всевозможные сайты знакомств. Сидеть в изоляции в одиночестве молодым людям показалось скучным, куда веселей, если с тобой разделит заточение еще какая-нибудь симпатичная личность. На одном таком сайте Кристина и нашла свою судьбу.

– Ну, то есть тогда я думала, что он моя судьба. Женя, Женечка, лапуля. Но Натаха мне дорогу перебежала – тоже начала с ним переписываться. Не прошло и двух дней, как я узнаю, что она к нему уезжает. А меня он целых две недели динамил, все обещал, что пригласит, да никак.

Ника критически покосилась на сто с лишним килограммов живого веса Кристины. Да, такое богатство ценилось в купеческой России и до сих пор находит спрос на островах Океании. Но тут кавалеры находили Кристину излишне крупной, слишком громкой и очень уж прямолинейной. И, честно говоря, Ника не могла с ними не согласиться.

Но кое-какая мысль возникла у нее в голове:

– Скажи, а ты можешь сейчас связаться с этим Женей?

– Надо ему написать. Я видела, он вчера и сегодня появлялся в чате.

И Кристина под села к компьютеру. Был он у нее старенький, работал медленно и натужно.

– Прямо вот тут можно ему писать? – оживленно спросила у нее Ника. – А можно вместо тебя я это сделаю?

Кристина поскущнела.

– И ты тоже хочешь у меня парня увести?

– Так он же все равно не твой!

– Ну и что! А вдруг он с Натахой уже наигрался и новую подружку себе подыскивает? Не зря же он снова на сайт зашел.

– Кристина, ну уступи его мне, – взмолилась Ника.

– Нет!

Ника призадумалась. Что бы такое посулить Кристине, чтобы она сочла равнозначной заменой?

– А помнишь, ты у меня щенка от нашей алабайки просила? Ее родители повязали, она скоро щенков родит. Если хочешь, то один из них твой будет.

Кристина молчала. Ника видела, что подружка явно колеблется.

– Подумай, Женя этот еще согласится или нет, неизвестно. А щенок точно твоим будет.

О том, что их алабайка Зита была еще даже не в положении, Ника умолчала. В конце концов, дело молодое, рано или поздно родит Зита своих щенков.

– Поменять мужика на собаку? – задумчиво произнесла Кристина. – А знаешь, я согласна!

Дальнейшее было уже делом техники. Под руководством Кристины было составлено и отправлено письмо Жене. Ответ пришел незамедлительно: он просил фотографию Ники. А получив ее, сразу же написал, что будет в городе нынче вечером, предложил встретиться и покататься. Фотография желтой спортивной машины и самого Жени на ее фоне прилагались.

Кристина снова начала завидовать.

– Ох, сколько же у этого поцика машин! Натаху он на одной катал, тебя на другой! Поговорчилась я, рано отказалась от своего счастья. Сменяла породистого поцика на какую-то безродного алабайку!

Нике надоело слушать ее причитания, и она воскликнула:

– Послушай-ка сюда, Кристинка! Во-первых, моя алабайка самых чистых кровей, ее предки все до единого внесены в племенную книгу России. А во-вторых, в городе у вас девушки одна за другой пропадают. Вот и в полиции меня предупредили, что надо сидеть тихо.

– И что?

– А то, что и Наташа исчезла. Уже неделю от нее ни слуху, ни духу. И перед этим она встречалась с ним, с Женей, и в гости тоже к нему собиралась. А теперь подумай: вдруг этот Женя как раз тем и занимается, что приглашает к себе девушек, а потом эти девушки куда-то исчезают!

Кристина побледнела.

– Тогда я тебя к нему не пущу! Ни за что! Я с вами поеду!

И отговорить Кристину от этого шага не удалось.

– Пойми, ты его спугнешь! – втолковывала Ника своей непрошеной помощнице. – Он привык работать с одной девушкой. Увидит, что нас двое, и вообще никуда нас не повезет.

– А если совсем одна явишься, он тебя увезет, и поминай, как звали. Нет, я тебя не отпущу!

С огромным трудом удалось убедить Кристину, чтобы она пока в дело не совалась, а взяла машину у своего брата и проследила вместе с ним за Никой с безопасного расстояния. На том и порешили.

В назначенный час Ника стояла в условленном же месте и ждала. Но подъехавшая к ней машина оказалась совсем не похожа на ту, которую она видела на фотографии. Это был затрапезного вида «Опелек», да и сидящий за рулем мужчина ничем не напоминал Женю. Впрочем, последнее было не удивительно, учитывая, кому принадлежала выложенная в Сети фотка. Но этот тип еще меньше понравился Нике, лучше уж покойник из Голливуда, чем этот прохиндей с бегающими глазками.

– Прокатимся?

– Не тебя жду, – отрезала Ника.

– Знаю, кого ты ждешь! Женя в аварию угодил. Машина не на ходу, но он про тебя не забыл, меня попросил за тобой заехать.

Что-то в этом роде Ника и ожидала услышать, и постаралась обрадоваться как можно натуральней:

– Так ты отвезешь меня к Жене? А когда?

– Прямо сейчас!

Ника взвизгнула будто бы от притворной радости и запрыгнула в машину. На самом деле, ей было страшно. Даже мысль о травмате в сумочке не слишком обнадеживала. Снова полезли мысли о том, что надо было подыскать себе охрану понадежней, чем Кристина с ее братцем.

А вдруг у них что-нибудь случится? Например, машина у брата забарахлит и они не смогут продолжить преследование? Тогда Ника останется один на один со своим...

– Как мне к тебе обращаться? Как тебя звать?

– Кир.

– Какое красивое имя.

Кир хмыкнул. Он выглядел довольным. Ника решила, что самое время завязать разговор.

– А далеко нам ехать?

– Далековато. Можешь даже покемарить чуток.

Вот уж чего-чего, а спать Ника точно не собиралась. К тому же она заметила, что движутся они в сторону, противоположную ее дому. А ведь Конфетка уверяла, что Женя обитает в тех же краях, что и Ника. И что же? Нику везут к какому-то другому Жене или Конфетка ошибалась? Мысли одна тревожней другой лезли в голову.

Ехать им пришлось чуть больше получаса. К этому времени уже порядком стемнело, и Нике совсем не понравилось, когда Кир остановил машину прямо у леса. Опять же, сильно нервировало, что она не наблюдала за собой никаких огней других машин. А где же Кристина с ее братцем? Вдруг отстали?

Пока Ника оборачивалась, пытаясь понять, куда подевалась Кристина, в шею ее что-то ужалило. Совсем легонько, но внезапно захотелось спать, перед глазами все поплыло. И когда Ника уже проваливалась в сонную одурь, успела заметить в руках у Кира крохотный шприц с иглой, которой он ее и уколол. И последняя мысль девушки была о том, какую же дурочку она сегодня сваяла.

Очнулась Ника от энергичных похлопываний по щекам. Над ней склонилась девушка, лицо которой Нике показалось смутно знакомым. Вот если бы поменять ей прическу, вместо выщипанных по моде бровей приделать густые – брежневские, вместо ослепительно белых и ровных натывать неровный частокол, а крохотный носик немножко или даже на порядок увеличить, то получится вылитая Рая Шишакowa – их отличница и вечная зубрилка.

– Ну, наконец-то! – произнесла незнакомая девушка почему-то голосом Раи. – Очухалась!

– Рая?

– Ну да! Не узнала?

– Нет. А где твой нос?

– Там же, где и брови, и все остальное! В кабинетах пластических хирургов и косметологов.

Ника села и потеряла шею. В том месте, где ее уколол Кир, все еще ныла мышца. Подлый гад! Но долго она о предателе думать не могла, потому что на грудь к ней кинулась Конфетка, возникшая из-за спины Раи, а следом за ней подбежали и другие девушки. Их в подвале оказалось много, и все они были Нике более или менее знакомы. Ника смотрела по сторонам и с удивлением сознавала, что с кем-то она училась в школе, с кем-то тусила на курсах по внеурочной деятельности, с кем-то просто виделась в общих компаниях. Все они были очень разными и внешне, и по характеру, и по образу жизни, но их объединяло то, что они были знакомы Нике.

– Я не понимаю, как вы тут все оказались?

– Так же, как и ты!

– Приехали спасать Конфетку? – еще сильнее удивилась Ника.

Ответом ей было растерянное молчание, а потом девушки заговорили вместе. Все они, оказывается, клюнули на одну и ту же наживку – на Женю. Соблазнительный красавчик на дорогой тачке приглашает в свой загородный дом для совместного отдыха. Желающих набралось больше чем предостаточно. Среди попавшихся птичек была даже парочка замужних, но они не считали, что виноваты больше других.

– Муж целый день на работе, он врач, у них вообще ни выходных, ни отгулов. А наша фирма закрылась, я целый день в четырех стенах на изоляции одна, дико скучно. Вот я и подумала, а почему бы и не поехать? Тем более что не одна, а вдвоем с Аринкой. Собрались и поехали.

Вдвоем поехали, вдвоем и попались. Но с этими любительницами отдохнуть денек-другой от семейной жизни все было ясно – желание гульнуть от мужа налево не сегодня родилось на свет.

– Но как вы не побоялись? Незнакомый мужчина... Какой-то дом...

– Отзывы на сайте об этом Жене были сплошь положительные. Милый, приветливый, понимающий. Никаких грязных домогательств, исключительно приятное знакомство и шикарный отдых на всем готовеньком. Эдакий отель по системе «все включено» плюс обаятельный хозяин.

– А тот факт, что фотография принадлежит совсем другому человеку, вас не смутил?

Но оказалось, что никто из девушек подобной проверкой себя озадачивать не стал. Все они твердили одно и то же:

– Кто побывал в гостях у Жени, отзывались о нем исключительно хорошо.

– А кого-нибудь из этих гостей вы лично знали?

– Нет.

– Значит, ничего не мешало Жене самому накатать положительные отзывы о себе, любимом?

Все девушки молчали.

– Ясно, – вздохнула Ника. – Ну, раз уж все мы тут собрались в одном месте, это даже хорошо. Все вместе и на свободу пробиваться будем.

– Это невозможно.

– Мы сидим глубоко под землей.

– Это какой-то подвал, из него не выбраться.

Ника поежилась:

– Но сюда приходят?

– Два раза в день через тот лаз в потолке нам спускают еду и воду.

И девушки показали на потолок, в котором виднелось круглое отверстие, закрытое люком. Ника подошла к стене и постучала по ней. Стена была бетонной, пол посыпан толстым слоем песка и соломы, но под ними все тот же бетон. Да, это был глубокий подвал. И свет давала одна-единственная лампочка.

– И давно вы сидите?

Кто-то ответил, что пару недель, кто-то месяц, а кто-то торчал тут почти с самого начала режима самоизоляции.

Девушки продолжали делиться пережитым опытом:

– Вода тут хорошая, колодезная, и дают ее вволю, а вот кормят паршиво.

– Мало?

– И не то чтобы мало, а есть эту бурду противно. Пустую кашу и макароны дают. Все пресное, без масла. Либо совсем без соли, либо пересолено так, что глаза на лоб лезут. Каша всегда полусырая, макароны, наоборот, в виде клейстера. И самое ужасное, что у нас ничего нет! Ни смартфонов, ни ноутбуков, ни планшетов! Всё забрали, всё!

И Конфетка застонала:

– Что мне дома не сиделось?! Все было! И тепло, и светло, и покушать имелось.

Ей вторили и другие девушки:

– Холодильник был полный всяких вкусняшек.

– Телевизор! Интернет!

– Кладовка просто ломилась от маминых прошлогодних заготовок.

– Ну, чего мне, идиотке, еще было нужно? Нет, приключений захотелось. Скучно мне стало. Вот теперь сижу, очень веселюсь!

Пока каждая девушка плакалась на свою горькую судьбу и больную голову, Ника обошла подвал, проверила все щели и поняла, что единственный реальный способ им всем спастись – лезть наверх.

– Давайте попробуем встать друг другу на плечи, – предложила она.

– Мы пробовали. Но люк в самом центре, от стен далеко, ухватиться не за что, вся наша башня рушилась на втором же ярусе.

– Вы просто вставляли друг другу на плечи, а мы задействуем всех. Внизу встанут сразу четверо, это создаст устойчивость нашей пирамиде. Второй ярус будет из двоих, а самая миниатюрная и ловкая из нас попробует забраться выше.

Предложение было принято с восторгом. Но проблема заключалась в том, что все девушки считали себя миниатюрными и ловкими – даже те, кто явно хорошо отъелся за время карантина и даже здешние скудные харчи не заставили их сбросить лишний вес. Никакие доводы не срабатывали, но методом проб и ошибок все же правда была установлена, и пирамидка начала расти. Первый ярус, второй. С замиранием сердца все ждали, когда Лилька, которая всю жизнь занималась художественной гимнастикой, сумеет вскарабкаться, и гадали, хватит ли у нее сил, чтобы открыть люк.

– У меня получается! Он открыт! Вот растяпа наш похититель, забыл закрыть!

Мгновение, и Лилька подтянулась на руках. Только ее грязные пятки мелькнули над головами у других девушек, и тут же в люке появилась ее голова.

– Тут есть стремянка, я вам ее спущу!

С помощью стремянки все выбрались из подвала, а потом поднялись на этаж выше. Все девушки надеялись, что их похититель окажется дома и они сумеют с ним расправиться. Уж они бы отплатили бы ему за все свои унижения и страхи! Семеро на одного – победа точно будет за ними! Но, увы, дом был пуст. Негодяй Кир куда-то уехал.

– Будем его ждать или удираем? Лично я голосую за второе!

Никто из девушек не захотел даже лишнюю минуту оставаться в доме, который так долго служил им тюрьмой, а мог стать для кого-то и могилой.

– Бежим отсюда! Пусть этого Кира потом полиция вылавливает!

Но подойдя к окну, они увидели, что ворота открываются, и в них въезжает грузовая фура. Не успела Ника и другие девушки испугаться прибывшему к их похитителю подкреплению, как они увидели, что из кабины выбирается ни кто иная, как их Кристина. Она тоже увидела столпившихся возле окон девушек, улыбнулась и призывно замахала им руками.

– Скорей! Скорей сюда!

Вид у Кристины был слегка испуганный, она оглядывалась по сторонам, словно ожидая, что враг вот-вот выскочит из укрытия. В принципе, такое запросто могло случиться.

– И что же мы теряемся? Есть шанс спастись, а мы мешкаем. Есть даже транспорт!

И девушки выскочили во двор. Кристина широко улыбалась им.

– Забирайтесь в кузов, – велела она. – В кабину вы все не поместитесь. Слишком вас много!

Возбужденно переговариваясь, девушки забрались внутрь фуры. Кристина закрыла за ними дверь, и машина тронулась вперед. К спасению!

Какое-то время внутри царила тишина, девушки привыкали к своему новому положению, осмысливали ситуацию, а потом кто-то спросил:

– Откуда Кристина-то появилась? Не понимаю.

Ника объяснила:

– Кристина с братом вызвались мне помочь. Когда Кир меня похитил и привез в этот дом, они проследили за ним.

– А фура у нее откуда?

– Наверное, на фуре брат Кристины и работает. Хотя я лично никогда не слышала, чтобы у Кристины был брат.

– Нет, он у нее есть, – произнесла Арина, которая теперь выглядела почему-то смущенной.

– Но, кажется, брат у Кристины двоюродный, – предположила Лилька.

– А я еще слышала, что он сидел, – добавила Конфетка. – Но за что, точно не скажу.

– Вот уж никогда подумала бы, что именно Кристина и будет тем человеком, который нас спасет.

Теперь все девушки выглядели смущенными, но Ника не понимала, в чем причина такого поведения. Ей казалось, что всем ее подругам по несчастью было неловко оттого, что именно Кристина явилась им на выручку.

– Я не очень-то хорошо с ней в свое время поступила, – произнесла Рая. – А она, выходит, зла не помнит.

– Добрая душа!

Внезапно машина остановилась, но Кристина сказала, что остановка временная, и попросила Нику выбирать.

– Ты пойдешь со мной и поможешь. В моторе что-то шумит!

– Но я не разбираюсь в моторах.

– Тебе и не нужно, просто будешь сидеть в кабине и слушать.

Но когда Ника оказалась в кабине, занавеска у спального места второго водителя отдернулась, и оттуда выглянул мужчина.

– Привет!

Это был Кир! Худшей минуты Нике не доводилось еще пережить. Она громко заверещала, попыталась выскочить, но Кир схватил ее, отчего Ника завопила уже во весь голос. Конечно, девчонки в кузове услышали ее шум и тоже подняли плач и крик.

– Кристина! – надрывалась Ника. – Кристя! Помоги!

Кристина появилась, но на помощь не поспешила. Она просто молча стояла и смотрела, как Кир душит Нику. Когда та перестала шевелиться, Кристина сделала знак своему сообщнику, чтобы тот отпустил жертву.

И пока Ника пыталась отдышаться, жадно хватая воздух ртом, Кристина спросила:

– Теперь ты поняла, кто стоял за организацией всех этих похищений?

– Маньяк! – застонала Ника. – Вот он! А ты ему помогаешь! Продалась маньяку! Что он тебе пообещал?

– Все с точностью до наоборот. Кир не маньяк, он мой брат. И это не я ему, а он мне помогает!

Ника оторопело уставилась на Кристину:

– Помогает? В чем?

– Я хочу отомстить тем, кто сделал мне в этой жизни плохо.

– Но я...

– Про тебя разговор отдельный. Ты и впрямь не при делах. Тебя нам пришлось увезти, потому что ты стала проявлять слишком много любопытства. Но остальные... За все то зло, которое они причинили мне и Киру, они получают то, что заслуживают!

– Ты их убьешь!

– Какая мне с этого выгода? Нет, я придумала кое-что получше. Есть человек, который держит подпольный публичный дом. Причем, в прямом смысле этого слова – девушки там живут в подполье, а точнее, в глубоко уходящем вниз цокольном этаже. Солнца не видят, свежим воздухом не дышат. Судьба у них незавидная, но это именно то, чего они желали моему брату и мне!

– Я не понимаю.

– Мой брат по вине этих сучек оказался за решеткой. Одна его оговорила, другая лжесвидетельствовала, третья подговорила судью вынести самый строгий приговор, четвертая пропечатала эту историю в газетах. Опозорила меня, уничтожила брата! А он ни в чем не был виноват! Ни в чем!

Ника не стала спорить, хотя и сомневалась, что человек с мордой Кира был таким уж агнцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.